

Старинный перстень
обладает уникальной
магической силой.
Каждый его владелец
попадает под колдовские
чары украшения, и жизнь
его коренным образом
меняется...

Елена АРСЕНЬЕВА

Магический перстень Веры Холодной

Артефакт & Детектив

Елена Арсеньева

**Магический перстень
Веры Холодной**

«Автор»

2015

Арсеньева Е. А.

Магический перстень Веры Холодной / Е. А. Арсеньева —
«Автор», 2015 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-80401-6

О, как же она была прекрасна, королева экрана Вера Холодная! Ее темно-серые, почти черные глаза с поволокой, ее томные веки, длинные ресницы, ее руки в перстнях и браслетах и стройные ножки! В нее были влюблены все: мужчины и женщины... В нее были влюблены красные, белые, зеленые... Вся Россия была в нее влюблена! Вся страна смотрела ее фильмы и пела романсы из этих кинолент. Поклонники засыпали ее цветами и подарками, но особенный презент, изысканное кольцо от одесского диктатора Гришина-Алмазова, полностью изменило всю жизнь Веры... Везучая на приключения писательница Алена Дмитриева, любительница аргентинского танго и изящной словесности, умудрилась попасть в скверную историю: ее подозревают в похищении старинного перстня из Художественного музея Одессы... Перстень, по легенде, когда-то принадлежал преступному авторитету Гришину-Алмазову, и за ним тянется шлейф криминальных историй. Теперь Дмитриевой самой приходится искать украшение, чтобы выпутаться из нешуточных передраг...

ISBN 978-5-699-80401-6

© Арсеньева Е. А., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

42

Елена Арсеньева

Магический перстень Веры Холодной

© Арсеньева Е., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Я вам не скажу за всю Одессу...

Из песни

...Никто не знал, откуда он взялся. Никто не знал, чья рука его смастерила и кто первым надел его. О, конечно, каждый, кто становился его владельцем, мог бы припомнить, откуда у него появилась эта странная вещица, но беда в том, что владельцы его не заживались на свете, а если и заживались, у них непременно находились гораздо более важные дела, чем затруднять свою память воспоминаниями о такой безделице...

* * *

«Кажется, всё, – подумала Алёна. – Хватит играть. Пора начинать. Ох, ужас... Ну, на счет раз!»

Она не без усилия открыла глаза, которые жмурила с таким старанием, что мокрые, соленые ресницы слиплись, и тотчас же встретила растерянный взгляд Ромки. Поэтому прежде, чем парень успел открыть рот и заорать, что спасать больше никого не надо, Алёна сквозь зубы прошептала:

– Молчи! Мне нужно оказаться на яхте. Как только они начнут со мной возиться, садись на свой байк и мотай отсюда! И сразу позвони Арнольду!

Она снова зажмурилась, и тут же раздался звук чего-то тяжело упавшего в воду. Она сейчас совсем не казалась ледяной, а, наоборот, обжигала напряженное от страха тело! И в это время голос, показавшийся знакомым, с насмешливой вальяжностью произнес откуда-то сверху, наверное, с борта яхты:

– Ну, давайте сюда вашу утопленницу. Хотя я и придерживаюсь принципа, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих, но на красивых женщин этот принцип не распространяется. Помогите-ка мне, молодой человек, загрузить ее в этот гамак. Давайте подведем снизу... вот так! Ишь ты, кто бы мог подумать, что мы будем использовать эту сугубо развлекательную принадлежность в качестве сетки для ловли русалок!

Раздался женский смешок, тоже показавшийся Алёне знакомым, а потом она почувствовала прикосновение каких-то грубых веревок к телу, и тот же вальяжный голос скомандовал:

– Подсекай! И вира помалу!

Алёну потянуло наверх, веревки врезались в тело, она вдруг ощутила, что повисла над водой и поднимается все выше и выше, потом качнулась в сторону, начала опускаться – и не выдержала: открыла глаза, чтобы увидеть сияющее под солнцем, самое синее в мире Черное море вокруг, пляж Лонжерон – уже очень далеко, палубу яхты – очень близко, а еще – себя, скомканную и мотающуюся в какой-то большой мокрой сетке, подобно скумбрии, которую небрежная хозяйка тащит с Привоза и помахивает ею на ходу. И вдруг раздался внезапный рев аквабайка и изумленный крик:

– Куда же ты, парень? Куда помчался? А что нам делать с этой русалкой?

А потом она услышала голос, который уже не был вальяжным – в нем звучало опасное напряжение:

– Стоп машина! А теперь я хочу понять, что все это значит. Русалка она или подсадная ри-и-иба...

Алёна почувствовала, что сетка, которая уже начала было опускаться, зависла между небом и землей, вернее, между небом и палубой. Она снова вспомнила о скумбрии, которую хозяйка тащит с Привоза, небрежно раскачивая сетку. Ри-и-иба...

Тут у Алёны свело челюсти от приступа тошноты, нестерпимо, до бешеного звона в ушах, закружилась голова, а в следующее мгновение она лишилась сознания – на сей раз отнюдь не притворно.

* * *

– Кто его наслало на нашу голову, этого шмока? – с отвращением спросил плотный, коротконогий человек с узкими глазами, сидящий на стуле с розовым шелковым сиденьем и неудобной гнутой спинкой. – Скажи, Шмулик, откуда взялась эта белопогонная саранча на наши тучные одесские нивы?

– А я знаю? – развел руками высокий, тощий Шмулик Цимбал, сын башмачника Цимбала с Малой Арнаутской улицы. – Говорят, с самого адмирала Колчака. А может, с Деникина.

– Да мне что Колчак, что Деникин – оба два поца, порядок у себя в стране не могут навести да еще в чужое государство лезут, где есть свой король! – рывкнул его собеседник. – И они мне шлют еще этот чирей по имени Лёдя Гришин-Алмазов?! И шё я должен за это делать? Сидеть тихо и ждать, пока он ко мне придет и выпалит в лоб? Ну, вам говорит Миша Япончик, король Молдаванки: этого не будет! Таки нет!

Шмулик только кивнул и промолчал, потому что молчание, а это всем известно, и даже не только в Одессе, – знак согласия. И этот знак лучше подавать почаще, когда ты стоишь перед Мишей Япончиком, королем Молдаванки, а значит, всей Одессы-мамы, и он изливает тебе свою большую душу.

Миша фыркнул сердито, поудобнее устроил на шелковом сиденье свой величественный зад и щелкнул пальцами:

– Картинку нашел? Покажь.

Шмулик сунул пальцы в пришитый под жилеткой глубокий карман и вынул оттуда три открытки, которые по приказу Миши купил нынче в писчебумажной лавочке. Много чего исчезло из тех лавочек, да и не только из них. Даже из магазина «Образование», где раньше было все и даже больше! Теперь днем с огнем там нельзя, к примеру, найти разноцветную, гофрированную, коленкоровую бумагу, из которой тетя Песя, мамаша Шмулика, делала необычайно красивые бумажные розочки и хризантемочки для гойских могильных веночков. Исчезла она, исчезли перышки «коссодо», «рондо», «номер восемьдесят шесть», «Пушкин» и все прочие, и чернила исчезли, как будто после революции добрые люди должны были писать пальцем. Исчезли лакированные скрипучие пеналы, исчезли карандаши и ластики, исчезла дорогая александрийская бумага, исчезли промокашки и тетрадки! А открытки с изображением темноволосой и темноглазой женщины остались. Но нет, они не стояли, покрываясь пылью! Их покупали, да еще как! Можно было подумать, это были не картинки, а последний чирус¹ в Черном море! Шмулик еле успел схватить эти три картинки. Они ему не сильно понравились, но других уже не было. Приказчица клялась, что «завтра привезут еще», но, во-первых, Миша велел – сегодня, а во-вторых, кто может сказать, наступит ли оно когда-нибудь вообще, это «завтра», при таком клятвом «сегодня», какое мы все имеем с того главного боль-

¹ Молодая, еще маленькая скумбрия.

шевистского адиёта, вечно бы его папаша чистил на том свете ватерклозеты для покойного государя-императора с семейством!

Так рассудил Шмулик Цимбал – и купил те открытки, что были.

– Кака прэлезть... – с отвращением пробормотал Миша, принимаясь их разглядывать. Но постепенно губы его растянулись в улыбке: – Тошчая, четверть курицы, а на мордочку – ингеле!² Скажешь, нет?

На первой открытке женщина была в котиковой шубке и большой темной бархатной шляпе. И взгляд ее темных, тоже бархатных глаз ласкал и томил душу.

На второй открытке она была в костюме цыганки. Глаза – безумные, мятежные...

На третьей она танцевала, обнимаясь с мужчиной во фраке так, что сразу можно было понять: этот танец добром для ее супруга, который сидит себе где-то дома и кушает свою мало-сольную овечью брынзу, не кончится.

Миша покачал головой, а потом вдруг – ну, видать, сильно его пробрало! – запел:

Под небом знойной Аргентины,
Где женщины опасней тины,
Под звуки нежной мандолины
Танцуют там танго...
Там знают огненные страсти,
Там все покорны этой власти,
Там часто по дороге к счастью
Любовь и смерть идут!

Это была песенка из модной фильма «Последнее танго», и пела ее той зимой вся Одесса.

Миша пел и мрачно смотрел в окно подвальной комнатенки, сквозь которое был виден только маленький краешек этого мира: обрезок тротуара с выщербленными камнями и – редко-редко! – чья-нибудь нога, шагающая мимо. Окошко было такое малехонькое, что вторая нога прохожего мелькнуть просто не успевала, а оттого казалось, будто все одесситы вдруг обзавелись дурной привычкой ходить на одной ноге.

Виноват в том, что Миша Япончик сидел в подвале и смотрел на одноногих одесситов, был не кто иной, как чирей и белопогонная саранча Гришин-Алмазов, диктатор Одессы. И ему предстояло за это ответить...

В далекой южной Аргентине,
Где небо южное так сине,
Где женщины, как на картине, –
Там Джо влюбился в Кло...
Чуть зажигался свет вечерний,
Она плясала с ним в таверне
Для пьяной и разгульной черни
Манящее танго!

– Слушай здесь, Джо, то есть Кло, то есть – тьфу! Шмулик, – сказал Миша, переставая петь. – Смаклеруй мне это дело, и ты не будешь знать беды и нужды никогда в жизни.

Шмулик тяжело вздохнул. Что здесь можно было сказать, кроме ничего?!

– Миша, ты знаешь, шё я готов сделать твое дело так же охотно, как матрос с «Синопа», который месяц жрал одну только тухлую солонину, готов пойти покушать орехового мороже-

² Ангелочек (*иврит*).

ного в заведении Кочубея в Городском саду, – сказал печально Шмулик. – И все-таки, Миша, прости меня за эти слова, ты уверен, что хочешь прищемить мошонку Лёде Гришину-Алмазову? Шё тебе этих мучений?! Сделай ему лох ин коп, дырку в голове, и пускай спит себе спокойно. А то ведь он как пить дать найдет, кто ему насажал этих вошей. Ты хочешь, чтобы потом он снова прошелся турецким маршем по нашей Молдаванке, похлеще, чем в прошлый раз? Ты этого хочешь?

– Я хочу этого так же, как молодая жена хочет прыщей на спине в свою первую брачную ночь, – сказал Япончик. – Но душа Гришина-Алмазова черней, чем пиковая масть. Прищемим мы ему стыдное место или нет, он все равно не отстанет от нашей Молдаванки, пока не насосется крови, будто трэфная³ свинья. А сделать ему лох ин коп не так просто, как хочется. Но мне надоело сидеть в этом подвале и смотреть божий мир с овчинку. Мы не будем с ним панькаться, не дадим ему все время ходить с козырей. Хоть раз, да сорвем банк! Мы бросим ему нашего шута⁴. И ему придется зажать очко, таки да. А шутлом будешь ты, Шмулик.

Миша поднялся со стула и впери в Шмулика свои узкие глаза, за которые его и прозвали Япончиком. Шмулику почудилось, что в него вонзилось два узких ножичка: один в правое подреберье, другой – в левое.

– Шмулик, иди! Миша говорит мало, и он уже все сказал. Вопросов быть не надо!

– Я иду, – обреченно сказал Шмулик. – Я иду, Миша, но помяни мое слово – ты ошибаешься.

– Ошибаются все, даже бог, что бы там ни говорил себе, – безмятежно ответил Миша, двумя толстыми пальцами (на каждом сидело по два бриллиантовых перстня, рассыпающих снопы искр) берясь за борт своего пиджака. Шмулик знал, что под мышкой Миша Япончик, король Молдаванки, носит «Велодог». Револьвер был маленький, чтобы не портить покроя оранжевого пиджака в обтяжку, однако из него Миша стрелял так же ловко и стремительно, как авиатор Уточкин делал вираж над Лонжероном на своем лупоглазом, курносом самолетике, похожем на стрекозу.

Поэтому Шмулик вышел как мог быстро. При этом он успел прихватить из прихожей огромный, шуршащий, окутанный шелковой бумагой сверток. От свертка пахло нежно-нежно, сладко-сладко, однако Шмулик старательно воротил от него свой горбатый нос.

Прикрывая дверь, он услышал, как скрипнул стул с розовым сиденьем и гнутой спинкой под грузным телом короля Молдаванки, а потом раздался безмятежный, фальшивый голос:

Но вот однажды с крошечной эстрады
Ее в Париж увез английский сэр...
В ночных шикарных ресторанах,
На низких бархатных диванах,
С шампанским в узеньких бокалах
Проводит ночи Кло.
Поют о страсти нежно скрипки,
И Кло, сгибая стан свой гибкий,
И рассыпая всем улыбки,
Танцует вновь тангó...

И Шмулик понял, что Миша опять смотрит на открытки.

³ Некошерная.

⁴ Имеется в виду джокер.

* * *

Вся эта совершенно безумная, практически бешеная история началась в четверг вечером, когда Алёна Дмитриева прибыла в Одессу. Самолет из Москвы прилетал в двадцать три часа по местному времени, а пока пассажиры вышли из самолета и миновали пограничный контроль, время приблизилось к полуночи.

Пряча под обложку паспорта хиленький листочек газетной бумаги под гордым названием «Імміграцііна карта», Алёна чуть ли не последней вышла в пустой и маленький зал ожидания Одесского аэропорта, и тут же он наполнился невесть откуда взявшимися людьми, преимущественно мужчинами, и все они бежали к Алёне с одинаково жадным выражением на разнообразных лицах. Это было похоже на сон невостребованной эротоманки... однако наша героиня была весьма разборчивой особой, поэтому ничуть не обрадовалась, а, напротив, насторожилась и приняла самый равнодушный вид. Толпа мужчин чуть сбилась с ноги (вернее, с ног), и они вновь рассредоточились по углам аэропорта, слившись с окружающей обстановкой: стойкой маленького бара, будочками билетных касс, стендом продавщицы газет, вертушкой упаковщика багажа, банкоматом и прочими реалиями зала ожидания.

Но один мужчина перед ней остался-таки. Он был низенький, кругленький и лысеющий, однако держал себя так, словно был могучим и сильным мужем. Первым делом он попытался вырвать ручку чемодана-тележки из рук нашей героини, а когда ему это не удалось (все-таки в Алёне Дмитриевой было 172 сантиметра роста и 65 кэгэ живого веса, поди-ка отними что-нибудь у столь фактурной женщины, да еще писательницы-детективщицы!), попытался обольстительно улыбнуться и спросил:

– Машинку, мадам? Эх, прокачу?

Итак, племя неизвестных мимикрийцев оказалось всего лишь племенем одесских водил-шабашников.

Что такое вокзальные и аэропортовские водилы, Алёна очень хорошо знала – как и то, что поблизости непременно будут кучковаться чайники с более милосердной таксой.

Она сделала непроницаемую физиономию и буркнула:

– Спасибо, меня встречают.

Однако ее ожидало разочарование. На площади стояли, конечно, автомобили, но все водительские места пустовали, из чего можно было заключить, что их хозяева ловят фортуна в зале ожидания. Лишь около одной машины – светло-серого «Мерседеса» со светящимся трафаретом «Taxi» на крыше – стоял, сложив руки на груди, высокий мужчина в такой пронзительно-белой рубашке, что она словно бы освещала в густой тьме южной ночи его смуглое худое лицо с четкими чертами (в которых было, как показалось Алёне, нечто ассирийское), обрамленное длинными, чуть выющимися, черными, слегка тронутыми сединой волосами. В его молчаливой несуетливости было что-то очень внушительное и надежное.

Алёна направилась было к нему, однако первый претендент на ее кошелек, оказывается, никуда не делся, не отступил разочарованно, не признал свое поражение, а следил за каждым ее шагом, и теперь кинулся следом, почему-то расставив руки, словно наша героиня была беглой курицей, а он – хозяйкой, решившей во что бы то ни стало загнать строптивицу в курятник.

Алёна взглянула поверх его головы на молчаливого «ассирийца», но тот невозмутимо смотрел в сторону.

– Такси! – крикнула она.

Он чуть качнул головой и мягким, по-южному протяжным голосом, но довольно отстраненно проговорил:

– Такси заказано.

Алёна вздохнула и отвернулась от него.

– Сколько до гостиницы «Дерибас»? – обреченно спросила она своего «опекун».
– Двести пятьдесят гривен, – ляпнул он не задумываясь, ловя глазами ее глаза.

От такси послышался странный звук, как если бы «ассириец» подавился. Впрочем, Алёна и без посторонней помощи понимала, что ее попросту хотят ограбить.

– Надеюсь, хотя бы некоторые детали вашей машины позолочены? – высокомерно спросила она.

– Шё? – растерялся «опекун». – А вам оно надо?

– За такие деньги на *не* позолоченной машине не поеду, – категорично сказала Алёна.
«Ассириец» подавился вторично.

– А за сколько поедете? – с надеждой спросил «опекун».

Вот когда Алёна жестоко изругала себя за то, что не заказала такси по телефону, когда бронировала номер в «Дерибасе»! Или хотя бы не спросила, сколько стоит проезд от аэропорта! Придется отвечать наобум Лазаря.

– За двести, а? – жалобно проныл «опекун».

– За сто пятьдесят! – решительно ответила Алёна.

«Ассириец» опять сделал что-то странное своим горлом.

Много она готова заплатить? Или, наоборот, мало?

– Эх, – разочарованно сказал «опекун». – Ладно, поехали... только для вас соглашусь. Эксклюзивно!

Собственно, в голосе его сквозь разочарование пробивались-таки ликующие нотки, из чего Алёна сделала вывод, что ее эксклюзивно обдурили. Да ладно, выбора-то нет.

– Поехали, – покорно вздохнула она.

«Опекун» немедленно вцепился в ее чемодан, и больше Алёна не сопротивлялась.

«*Не* позолоченной машиной» оказался очень симпатичный желтенький «Ситроен». Погрузились, поехали.

– Вы не на кинофестиваль приехали? – заискивающим тоном спросил водила. – На какую-то артистку похожи...

Наверное, он все же чувствовал некую неловкость и пытался такой нехитрой лестью смягчить пассажирку.

– А что, тут будет фестиваль? – оживилась Алёна. – А когда?

– В конце июля.

– Это через месяц, что ли?! – расхохоталась Алёна. – Сейчас еще даже не конец июня!!! И что бы мне делать целый месяц?!

– Да мало ли шё? – философски рассудил водитель. – В Одессе всегда есть шё делать!

Алёна поглядывала по сторонам, хотя пока смотреть было особенно не на что. Извилистая дорога, по темным обочинам какие-то, с позволения сказать, сараи с традиционными вывесками «Автомастерская», «Автомойка», «Автосервис», «Авторемонт»... Как-то все очень обыкновенно. А где ж местный колорит? Мы в иностранном государстве или шё?!

Алёна с удовольствием вспомнила, сколько чистой лингвистической радости доставило ей сидение в самолетном кресле. Там были такие очаровательные объявления... «Застебнути ремни безпеки», «Рятувальний жилет під вашим сидінням», «Інструкція з безпеки»... Ну о-очень, о-чень задушевно!

Местный колорит по-прежнему не спешил себя проявлять, но вот как-то вдруг, помотавшись по плохо освещенным улицам, «Ситроен» остановился на перекрестке, и на указателе мелькнули волшебные названия: «Гаванная» и «Дерибасовская». Алёна восторженно вздохнула: да ведь это и в самом деле Одесса!

– Вон ваша гостиница, – показал водитель. – Ближе подъехать не могу: Дерибасовская – пешеходная улица. Но, если угодно, чемоданчик ваш до крылечка донесу.

– Спасибо, давайте, – согласилась Алёна, расплачиваясь купленными еще в Москве гривнами.

Она выбралась из машины и замерла, оглушенная. Было такое ощущение, что на нее обрушилась лавина ароматного шума – или шумного аромата, кому как больше нравится. Одурающе пахло чем-то цветочно-сладким, южным, жарким. И в то же время раздавался жуткий, оглушительный грохот.

– Что это пахнет? – крикнула Алёна, хватая за рукав водителя, который уже вытащил из багажника ее чемоданчик и напористо поволок его через дорогу. Колесики бойко подскакивали на мостовой, но ни звука не доносилось до Алёны. Поскольку водитель не обернулся, можно было догадаться, что вопроса он не слышал. Значит, не услышит и второго: «Что это за шум?!»

Ей хотелось остановиться и поглядеть на Дерибасовскую, ей хотелось осмыслить сам этот факт: она стоит посреди Дерибасовской! – но разрывающий мозг, нервы и уши шум не давал сосредоточиться.

И тут же Алёна поняла, откуда этот шум исходит. Напротив гостиничного крыльца находилась стройплощадка. Там ремонтировали и обновляли какой-то старинный дом, и работа воистину кипела, несмотря на то, что было уже около часу ночи.

Тем временем водитель рысью добежал до двери, около которой висела скромненькая, но весьма интеллигентная золотая с черным табличка, извещавшая, что для входа в отель «Дерибас» нужно нажать на кнопку автоматического открывания двери или воспользоваться «ключом постояльца». Пока Алёна читала табличку, водитель прислонил к двери ее чемодан и, беззвучно пошевелив губами, – видимо, попрощавшись, – зажал уши и бросился к своей машине во всю прыть.

Алёна поспешно нажала на кнопку. Дверь открылась, она проворно проскочила в коридор – и сначала вздохнула с облегчением, потому что шум сразу стал тише, но тотчас с ужасом покачала головой, потому что прочла очередную интеллигентную табличку: «Отель «Дерибас», 3-й этаж».

Эх, зря она водилу отпустила! Если уж не смог обеспечить ей позолоченную машину, должен был чемодан не до крылечка, а до номера дотащить!

Но после драки кулаками не машут. И Алёна поволокла наверх свой совсем даже не легкий чемодан, в котором, кроме всего прочего, необходимого для трехдневного пребывания красивой женщины в чужом, вдобавок – южном, курортном и жарком городе, лежало несколько пар танцевальных – точнее, танговских – туфель.

Боже мой... неужели вы еще не знаете, что Алёна Дмитриева страстно, самозабвенно увлекалась самым чувственным и в то же время самым интеллектуальным танцем на свете – аргентинским танго?! Ну, так это истинная правда. И в Одессу она приехала хоть и не на кино-, но все же на фестиваль – фестиваль аргентинского танго. Мастер-классы с аргентинскими преподавателями, милонги, то есть вечеринки, на которых танцуют только аргентинское танго... ах, как же любила Алёна весь этот праздничный, музыкальный, волнующий мир прекрасных движений лучшего в мире танца! А чтобы хорошо танцевать, нужны хорошие туфли. Желательно подходящие к каждому платью. А для каждой милонги – платье свое! Именно поэтому в чемодане Алёны, кроме всего прочего, лежали не только три нарядных платья, но и четыре пары туфель. Три для милонг, а одна для тренировок. А это какой-никакой, а все же вес...

Наконец она вскарабкалась на третий этаж. Прямо на площадке стоял маленький столик дежурной.

– Добрый вечер, вернее, ночь. Я бронировала номер. Елена Ярушкина меня зовут, – сказала Алёна.

– Добрый, – так уныло ответила дежурная, что Алёна насторожилась:

– А что такое? Какие-то проблемы? Номера нет, что ли?

– Номер-то есть, – вздохнула девушка. – Да там шумно.

– Шумно?! – встревожилась Алёна, вспоминая сущий ад, царивший снаружи. – Только не говорите мне, что мое окно выходит на эту ужасную стройку!

Дежурная кивнула:

– Не скажу. Но ведь вы сами увидите!

Она не без труда выбралась из-за столика (столлик был маленький, а дежурная – большая такая деваха с бейджиком «Татьяна Мазур» на необъятном бюсте), взяла ключ и проводила Алёну до двери с номером десять. Открыла ее...

– Спасибо, – сказала Алёна, пятась. – Большое человеческое спасибо. Я лучше пойду в другую гостиницу или останусь жить прямо вот тут, на площадке. Около вашего столика. Здесь потише. А обстановка в номере – не для моих слабых нервов. Каждую ночь спать в таком ужасе... Да меня первым же утром в психушку надо будет увезти!

– Да не каждую ночь! – воскликнула дежурная. – Они в девять вечера уже уходят все. Но им сегодня по графику надо что-то срочно закончить, как раз на этой стороне здания. Они специально предупредили, что до трех ночи будет очень шумно. А вообще-то такого кошмара даже днем не бывает. Я сказала постояльцам, что работа до трех, так некоторые нарочно в ресторан пошли, чтобы пересидеть и заодно повеселиться. Может, и вы... А? – Она с намеком улынулась Алёне. – Осталось-то всего два часа! Там, внизу, отличный ресторан!

– Я стараюсь не наедаться на ночь, – высокомерно ответила наша героиня, и Татьяна со вздохом окинула взглядом ее стройную фигуру... но это был вздох не зависти, а сочувствия.

Алёне стало смешно, и она миролюбиво предложила:

– Давайте решим вопрос проще: вы меня поселите в другой номер, окна которого выходят на противоположную сторону. Вот и все.

Татьяна задумалась.

– Понимаете, все номера-то заняты, – сказала она виновато. – На той стороне жить желающих много... Те, кто у нас часто останавливаются, знают, что к чему...

– А я не знала, – мрачно констатировала Алёна. – Вот и попалась, как тот кур в тот ошип.

– Таки да... – кивнула Татьяна. – Вообще-то один свободный номер есть...

– Ну?! – оживилась Алёна. – Так в чем же дело?

– Дело в том, что женщина, которая забронировала этот номер, приедет в девять утра с вокзала. То есть номер был заказан с сегодняшнего вечера, но она вот буквально перед вашим приездом позвонила и предупредила, что задерживается.

– Слушайте, – сказала Алёна, – но ведь до девяти утра масса времени! Я успею выспаться и смыться.

– Ага, а мне там потом убирать... – проворчала Татьяна и бросила на Алёну выразительный взгляд.

Так... Понятненько!

– И во что вы оцениваете эту уборку? – спросила Алёна покорно.

– Ну, гривен в пятьдесят... – задумчиво сказала Татьяна.

Алёна кивнула. Сто пятьдесят рублей (а таков нынче курс хохлобаксов к рублю, один к трем) за то, чтобы перестелить постель, это круто, но ее они не разорят.

– Договорились.

– Тогда так, – заговорщически шепнула Татьяна, – вы вещички в своем номере оставьте, в десятом, двери закройте на ключик, переоденьтесь на ночь, а потом идите до пятнадцатого номера. Ну, сумочку свою с деньгами и документами прихватите, чтоб не думалось. Поспите спокойненько, а утречком, уж не позднее, чем в полвосьмого, я вас разбужу. Утром и оформите свое проживание. А то сейчас позднотища, глаза закрываются.

Алёна была с ней полностью согласна. Она получила ключ с номером десять на блямбе, потом переделась в своем очень симпатичном, но дико шумном номере и, в ночнушке, халате

и тапочках, с сумочкой через плечо, пронеслась в номер пятнадцать. Сюда, конечно, тоже долетал шум, но гораздо более мирного, даже как бы убаюкивающего свойства. Алёна поставила будильник на двадцать минут восьмого, упала в постель и, с блаженным стоном вытянув усталые ножки, закрыла глаза.

Морфей, который уже давно нетерпеливо переминался с ноги на ногу, немедленно бухнулся рядом и заключил нашу героиню в свои объятия...

Она уже почти спала, когда вспомнила, что надо отключить звук у телефона, чтобы какая-нибудь сила нечистая не вздумала прислать среди ночи эсмэску кретинско-рекламного свойства. Потыкала в сенсорный экран своей «Нокии» пальцем, выбрала команду «Без звука» и наконец-то уснула крепко и сладко.

Но, к сожалению, спустя какое-то время Алёна проснулась от громкой, протяжной мелодии – сигнала о поступившем сообщении. Неужели все-таки не отключила звук?!

Алёна вскинулась, ненавидя саму себя за рассеянность, а сенсорные экраны – за нечувствительность, однако ее телефон лежал темен и нем. Опция «Без звука» была задействована.

Приснилось, что ли?

Алёна снова откинулась на подушку и только закрыла глаза, как вдруг сигнал раздался снова.

Алёна включила бра у изголовья и выдвинула верхний ящичек тумбочки, но там, кроме «Пам'ятки для пожильца», не оказалось ничего. А во втором ящичке обнаружился источник беспокойства: «Нокиа», такая же, как у Алёны, только в обычном черном, а не в белом с красными драконами, корпусе. Наша героиня, видите ли, была по году Драконом, да и вообще не любила ничего черного, хоть это и культовый танговский цвет.

Алёна машинально нащупала кнопку блокиратора, машинально сдвинула ее, прочла надпись на дисплее: «Вам 2 новых сообщения» – и так же машинально открыла их.

Первое сообщение гласило: «*Летящее сердце*». При нем имелся смайлик-улыбочка:

Второе: «*Извини, если разбудил*».

– А вот возьму и не извиню, – проворчала Алёна, размышляя, что здесь делает этот телефон.

Его, конечно, кто-то оставил. Вряд ли прежний постоялец – непременно сообщил бы в гостиницу и потребовал свое имущество назад. Скорей всего, это телефон горничной, которая здесь убирала. Случайно сунула телефон в ящик – да и забыла. Надо утром сказать об этом дежурной. Хотя нет... лучше не говорить, ведь тогда она увидит, что сообщения открыты и прочитаны. И у нее будут все основания посчитать Алёну бесцеремонной особой, которая сует нос в чужие дела.

Она машинально поглядела на номер: +380 и сколько-то там, и еще две пятерки... судя по первым цифрам, сообщение отправлено из Одессы, и подумала, что этот бесцеремонный посылатель вполне может написать что-то еще, а потому отключила звук и в этой «Нокии». Ничего, утром включит, когда проснется. И Алёна снова улеглась, и закрыла глаза, и уснула, ох, счастье...

Она спала очень крепко и еле заставила себя проснуться от размеренного дриньканья будильника и вскочить, и, схватив сумку, накинув халат, перебежать по пустому, сонному коридору в десятый номер, где уже было тихо, невероятно, восхитительно, блаженно тихо, и бухнуться в постель (теперь уже законную свою!), чтобы снова уснуть, уснуть, уснуть...

* * *

– Добрая госпожа... добрая госпожа, спаси мою дочь, а я спасу тебя!

Мария Васильевна изумленно оглянулась: откуда доносится этот странный, гортанный голос? Показалось, что заговорила куча мусора, на которую чуть не наехала ее карета. Да это женщина в лохмотьях, ужасная, грязная нищенка!

– Пошла прочь, пошла! – зашумел лакей, пытаясь пнуть говорящую охапку лохмотьев.

– Спаси ее... и я спасу тебя! – снова выкрикнула нищенка.

– От чего же ты хочешь меня спасти? – спросила Мария Васильевна, и лакей оторопел, с изумлением на нее уставился, да и она сама ушам не поверила, услышав свой голос.

Да мыслимо ли это?! До кого она снизошла – она, Мария Васильевна Столыпина, урожденная Трубецкая, одна из первых красавиц Петербурга, бывшая фаворитка наследника-цесаревича Александра Николаевича?!⁵

– Ты несчастлива в любви, – прохрипела нищенка. – Ты теряла то, что находила, а сейчас не можешь обрести то, о чем мечтаешь. Я дам тебе заветный талисман... и происки старухи будут напрасны, ее сын поведет тебя под венец! И ты вернешь себе того, кто давно был тобою потерян!

– Госпожа, ваша милость, да вы только велите... – пробормотал потрясенный лакей. – Эта грязная тварь совсем забылась...

– погоди, – остановила его Мария Васильевна. – Ты говоришь – происки старухи будут напрасны?..

Из лохмотьев послышался стон, потом шепот – уже чуть слышный:

– Возьми перстень, который висит на шее моей дочери... но если не спасешь моего ребенка, он потеряет силу...

Она пробормотала еще несколько слов на непонятном языке – и стихла.

– Ишь ты, – озадаченно сказал лакей, наклоняясь, – неужто померла гречанка?

– Откуда ты знаешь, что это гречанка? – обернулась Мария Васильевна.

– Слышал, как они в лампадной лавке промеж собой калякают, – пожал плечами мальй. – В греческой. На таком же наречии.

Надо было уйти. Не обращать внимания на слова. Это был просто предсмертный бред! Но откуда нищенка знала про *старуху* и ее *происки*? Откуда знала про *ее сына*? И откуда знала, что денно и ночью Марию Столыпину, первую красавицу Петербурга, терзают мысли о том, кто был ею так давно потерян?

– Померла, так и есть. – Лакей выпрямился и перекрестился. – А рядом с ней – младенчик в пеленках. Спит, да как крепко!

Мария Васильевна воровато оглянулась, но улица, на счастье, была пуста.

– Пусти меня, я погляжу, – шепнула она и, зажав нос платочком, стараясь не глядеть на потрясенную физиономию лакея, наклонилась над мертвой.

Женщина, чудилось, спала, однако сразу чувствовалось, что это покой смерти. Среди ее лохмотьев лежал сверток. Марья Васильевна брезгливо поворошила его одним пальцем. Тряпье развернулось, и она увидела крошечную спящую девочку. И против воли улыбнулась: ребеночек был на диво прелестен. Мигом вспомнилось, как хорош и чуден был ее новорожденный сын, которого она назвала Николаем в честь покойного государя-императора, коему была премногим в своей жизни обязана, и дурным, и благим, но звала она сына Булькой, веселя знакомых, которые не понимали причины такого выбора. Где им было знать, что хотя бы первой буквой этого прозвища она напоминала себе об истинном отце Бульки? Да, не от мужа, царство ему небесное, зачала сына Мария Васильевна, прожив в браке пять бесплодных лет. Она всегда знала, что создана лишь для одного мужчины на свете, для него, единственного... Его звали князем Александром Барятинским, и он был прославленным героем кавказских войн. Мари любила его всю жизнь, с тех пор, как ее, тринадцатилетнюю девочку, пятнадцатилетний князь

⁵ Об этой истории можно прочитать в романе Елены Арсеньевой «Последняя любовь», издательство «ЭКСМО».

Александр не то в шутку, не то дружески поцеловал на балконе... а он всю жизнь пытался скрыться от этой любви, брезгливо презирая ее за связь с наследником престола⁶.

Мари казалось, что нужно удачно выйти замуж и забыть Барятинского, завертевшись в вихре семейных забот. Она думала, что брак сделает ее настолько значительней князя, что она сможет презрительно взирать на него с высоты своего положения, но слишком много сплетен ходило о красавице Мари Трубецкой, дурная слава вилась за ней по пятам, как запачканный шлейф платья, а потому пришлось смиренно принять то, что предложила судьба: не князя, не графа, а просто очень богатого отпрыска хорошего рода – Алексея Григорьевича Столыпина. Он влюбился в Марию Трубецкую во время одной мазурки, во время другой сделал предложение, во время кадрили получил улыбку, кивок, пожатие руки и ответ: «Я согласна!»

Ну что ж, это оказался взаимовыгодный брак, ведь Мари была близкой подругой Мэри, великой княжны Марии Николаевны, а потому Столыпин значительно поднялся по светской лестнице и сделался адъютантом герцога Максимилиана Лейхтенбергского, за которого вышла Мэри. Ну, а Мари получила возможность распорядиться огромным состоянием Столыпина (весьма своевременно, поскольку даже дом Трубецких на Гагаринской набережной был в это время продан за долги!).

Прекрасная госпожа Столыпина изменяла мужу направо и налево, и никто не мог понять, почему она хладнокровно и как бы даже мстительно наставляет ему рога. Для нее-то все было ясно: потому что он – не Барятинский!

Наверняка сплетни доходили до Столыпина, однако он предпочитал ничего не знать, ничего не слышать и не видеть. Это был подарок судьбы, а не супруг!

Но Мари часто задумывалась: а что у нее есть, кроме этого «подарка судьбы»? У нее нет даже намека на счастье! И нет детей.

Сначала Мария Васильевна думала, что беда в ней, ведь она не беременела не только от Столыпина, но и ни от одного из своих любовников. Что характерно, она нарочно их подбирала среди самых красивых мужчин, чтобы ребенок, если он будет зачат во чреве ее, родился красавцем.

Напрасно.

«Вот если бы Барятинский...» – упорно думала она, хотя совершенно непонятно, конечно, откуда бралась эта слепая вера, и почему Барятинскому удалось бы засеять то поле, которое упорно оставалось неплодородным несмотря на усилия столь многих сеятелей.

Но Барятинского в Петербурге не было, и одни только слухи долетали о нем с Кавказа. И вдруг было получено известие о том, что он возвращается! Опять раненый, опять покрытый славой...

Мари думала о нем так много и так упорно, что даже не сразу поверила своим глазам, когда увидела в доме графа Льва Сайн-Витгенштейна, за которого вышла замуж сестра Барятинского, подруга детских лет Мари – Леонилла. Он склонился перед Мари, приглашая на вальс.

Что случилось с ним, почему его вдруг повлекло к Мари, которую прежде он считал только достойной презрения, Барятинский и сам не знал. Он совсем не желал быть предметом светских сплетен, а пришлось им стать!

Такое ощущение, все всё знали уже на другое утро после той ночи, когда Мари ему отдалась. Знали в подробностях, в деталях, во всех тонкостях.

В довершение всего Мари вскоре сообщила любовнику, что она беременна.

Нет, не обманули ее предчувствия: Барятинский и впрямь совершил чудо! Она была счастлива и теперь строила планы, как разведется с мужем... конечно, государь, который к ней всегда благоволил, конечно, государыня, которая всегда была к ней милостива, конечно, Вели-

⁶ Об этом можно прочитать в книге Елены Арсеньевой «Далекая звезда», издательство «ЭКМО».

кий князь Александр Николаевич, который, быть может (наверняка!) не забыл ее, конечно, они посодействуют... впереди брак с Барятинским...

Мари строила далеко идущие планы, совершенно не подозревая, что в жизненных планах Барятинского нет места ни для нее, ни для этого ребенка, который, как втихомолку думал он, мог быть прижит неизвестно от кого. Скажем, от родного мужа!

Барятинский немедленно вспомнил, что вообще-то он не совсем отставлен от воинской службы, а находится в отпуске для поправки здоровья. И доктора предписали ему посещение курортов в Европе. Он немедленно почувствовал, как рана его обострилась, – и уехал из Петербурга почти с неприличной поспешностью, словно речь шла о спасении жизни. В Польше до него дошел слух, что в Петербурге появилась еще одна молодая и красивая вдова: бывший полковник лейб-гвардии гусарского полка Алексей Григорьевич Столыпин умер в Саратове от холеры.

Барятинский понял, что за этим последует требование жениться на вдовушке, и решил отступить от Мари с наименьшим уронem и сохранив достоинство. Князь Воронцов, наместник Кавказа, очень кстати назначил его командующим кабардинскими войсками. Он решил окончательно переехать на Кавказ.

Там он получил известие, что Мария Васильевна Столыпина родила сына.

Барятинский только плечами пожал, убежденный, что он тут совершенно ни при чем.

И накануне Рождества при дворе явился Барятинский... совершенно новый, неузнаваемый Барятинский!

Загорелое, обветренное, огрубевшее лицо, вид бравого служаки, новая походка и стать – он ходил теперь немного сторбившись, опираясь на палку, – все это уничтожало прежнее представление об изящном царедворце. Более того, он передал все свое состояние брату, князю Владимиру Ивановичу Барятинскому, и теперь из богатейшего человека превратился в обычного военного служаку на государственном жалованье, которому, конечно, не по карману было содержать столь блистательную особу, как Мари Столыпина, урожденная Трубецкая. В свете являться он совершенно перестал, и теперь сватам, а также несостоявшейся невесте оставалось только развести руками и затаить обиду.

Озлобленность, которая охватила Мари Столыпину, не поддавалась описанию.

Теперь она знала одно: ей нужно, необходимо снова выйти замуж... причем за человека, принадлежащего к лучшим фамилиям России, к тому же такого, от которого Барятинский находился бы в зависимости. Этим браком Мари должна была возвыситься над ним. И был на свете только один человек, который мог дать ей желаемое возвышение и утешение уязвленному самолюбию.

Звали этого человека князь Семен Михайлович Воронцов, и он был... он был сыном наместника Кавказа. То есть сыном прямого начальника строптивного Барятинского!

Но тут, конечно, возникли препятствия... да еще какие! Воистину неодолимые!

Но откуда могла знать обо всем этом умершая гречанка? Откуда она могла знать о *старухе*?!
старухе?!

* * *

Вот уже несколько часов Алёна бродила по Одессе, сама толком не зная, куда идет, бесцельно переходя с улицы на улицу, упиваясь этим городом и его ароматом: кругом яростно, неумно, навязчиво, сладостно и сладострастно цвели липы. Все фестивальные мастер-классы должны были начаться завтра, сегодня вечером предстояла только милонга, поэтому день у Алёны был свободен, и, оформив документы в гостинице, она решила использовать свободное время на полную катушку: обойти если не всю Одессу, то хотя бы центр ее. Дерibasовская, потом Ришельевская, она же – Потемкинская, лестница, и Приморский бульвар, и Екатери-

нинская площадь, и Оперный театр (хотя бы вокруг походить!), Большая и Малая Арнаутские улицы, само собой, Привоз... И непременно заглянуть в Художественный музей! Как это можно: приехать в какой-то в город – и не побывать в Художественном музее?! Оставалось спросить себя, как все это успеть.

Но Одесса, чудилось, услужливо перемещалась мимо, охотно представляя желаемые достопримечательности. Стоило подумать об Оперном театре, как он тут же явился внизу Ришельевской улицы, а за ним открылся Приморский бульвар, и море блеснуло меж зарослей акаций и нелепым забором, который, неведь зачем, был выстроен вдоль всего берега, закрывая чудесный вид. Но когда Алёна дошла до знаменитой лестницы, море снова открылось, и она с восхищением ощутила то странное содрогание души, которое ощущают все сухопутные люди при виде моря вообще, а Черного – в особенности. Она прошлась по лестнице вверх и вниз и, неизвестно зачем, посчитала ступеньки, хотя где-то читала, что сначала их было двести, а потом семь засыпали при постройке набережной, так что теперь осталось сто девяносто три. И все же Алёна пересчитала ступеньки. Их получилось двести три. Наверное, у каждого своя Ришельевская лестница.

Тротуары чернели от шелковичных ягод, а одесские платаны, называемые также «бесстыдницами», раздевались особенно откровенно и то и дело с шумом и даже грохотом роняли обломки своей жесткой коры на тротуары, на головы прохожих и на автомобили, вызывая у их владельцев привычно-усталые и довольно философские восклицания. Алёна шла, куда-то сворачивая, по каким-то улицам поднимаясь, по каким-то – спускаясь, читая вывески, восхищаясь красотой названий (Военный спуск! Польский спуск! Лонжероновская улица! Греческая улица!), очень надолго зависла перед афишами Оперного театра (Опера та балету). Ей хотелось сходить на какой-нибудь спектакль, осталось только выбрать, будет это «Спляча красуня», «Лискунчик», «Князь Ігор» или «Білосніжка та сім гномів». Ну что ж... наверное, хохлы тоже валяются под какими-нибудь москальскими вывесками в судорогах смеха!

Наконец захотелось есть. Великолепное одесское мороженое не насыщало, а только вызывало желание съесть его как можно больше. Пора было направить стопы к Привозу. Алёна недолюбливала общепит, а потому решила купить домашней брынзы, помидоров, фруктов и поесть в гостинице. Она пошла по Пушкинской... здесь как-то особенно сильно свистели шины автомобилей по старой, изношенной мостовой. Можно представить, какой грохот стоял здесь в «ранешние времена», когда цокали копытами лошади и грохотали колесами извозчицы пролетки! И где теперь те извозчики, те лошади и те пролетки? А мостовая – вот она.

Алёна шла и шла, пересекая улицы Греческую, Бунина, Жуковского, Еврейскую, Троицкую, Успенскую, Базарную, Большую Арнаутскую и Малую Арнаутскую, порой принимаясь озираться с восторженным выражением лица... но вот перед ней открылся Привоз, и она почти ошалела от этого феерического зрелища.

Создавалось впечатление, что Одесса решила накормить голодных всего мира, причем за никакие деньги. Сколько тут было всего! Глаза разбегались – это выражение на Привозе не казалось метафорическим, Алёна уже устала вертеть головой и пытаться их поймать и вернуть на место. А как тут говорили! Не то что на улицах, где звучала вполне обычная речь, по большей части русская, местами украинская. Сейчас Алёне казалось, что она попала в фильм «Ликвидация» – не в смысле гремящего выстрелами сюжета, а в смысле языкового антуража. Или в анекдот про одесситов!

Поскольку неперменная принадлежность каждого уважающего себя писателя – записная книжка, где он должен фиксировать свои житейские наблюдения и всякие там мудрые мысли, если они, к примеру, вдруг вздумают прийти в голову, Алёна немедленно достала свой изрядно потрепанный блокнот, который уже обогатился нынче многочисленными одесскими перлами, ручку и, взяв ее на изготовку, приготовилась пополнить одесско-лингвистический запас.

Первый же подслушанный диалог мог бы удовлетворить самый придирчивый вкус.

– Сколько денег? – спрашивала дородная покупательница, с брезгливым выражением лица стоя над лотком с мелкой, темно-красной, пыльной клубникой. Сезон этой ягоды уже заканчивался, и при такой невзрачности годилась она только на варенье.

– Двадцать пять, – пробурчал продавец, огромный, атлетического сложения мужик с бычьим лбом, бритой головой и маленькими цепкими черными глазками.

Женщина иронически хмыкнула:

– Двадцать пять?! А чтоб купить?

– По двадцать, – неохотно пробурчал продавец.

– Это больно! – покачала головой покупательница.

– Шёб вы себе знали, дама, здесь не собес, а Привоз, – огрызнулся продавец. – Или идите к врачу, если вам больно!

– Спасибо, и вам тоже ж, – обиделась «дама» и принялась протискиваться к другому продавцу.

Алёна, еле сдерживая смех, только собралась записать этот расчудесный диалог, как продавец вдруг радостно воскликнул:

– Алик! Лех к ебенемать! Или это ты?! А я уже горько плакал: кто-то говорил, что тебе последний туш сыграли...

– Назови еще раз меня Аликом, и последний туш сыграют тебе, – раздался в ответ насмешливый голос, и высокий человек в элегантном льняном костюме соломенно-желтого цвета приподнял элегантную, в тон костюму, шляпу. – Привет, Жёра. А все здесь коммерцуешь?

– Да шё, – отмахнулся человек, которого, как не без труда догадалась Алёна, звали все-таки Жора. – А тебе колокола еще не звонят?

– Ты какие именно колокола имеешь в виду? – насторожился человек в шляпе.

– Свадебные, чудак, а ты шё подумал?

– Пока еще нет, не звонят, хотя вчера я думал, что уже скоро... – вздохнул Алик. – Сорвалась такая сделка! Бред какой-то. Просто, можно сказать, бутерброд с икрой изо рта вынули. Но ладно, скажи лучше, как дела?

– Как видишь, – печально показал Жора на почти полный лоток. – Никак. И кто скажет, что я торчу здесь с утра неотлучно, как тот шкиля в витрине магазина «Учебные пособия» на Успенской, угол Канатной?

– Не идет торговля?

– Торговля гавкнулась, – вздохнул Жора. – Вчера девятьсот кило бичок ушел просто так, из самых рук. Вот встал на эту клубнику... а чем тут жить? Между нами, своими, – сущий дрэк! И самое обидное, ты знаешь, шё?

– Шё? – спросил Алик, и Алёне показалось, что он еле сдерживает смех.

– Самое обидное, что на мозоль с этим бичком мне наступил гнусавый Дося.

– Дося? – резко повторил Алик. – А он каким левым боком к рибе прижался?

– Ты сам сказал, что левым, – хмыкнул Жора. – У него же десять рук, как у того паука, и все гребут к себе.

– У паука нет рук, у него лапы, да и тех восемь, – поправил Алик.

– Ничего, он не обидится, – отмахнулся Жора.

– Дося ж вроде никогда торговлей не пачкался, – озадаченно проговорил Алик. – Лучше украдет, чем заработает.

– Так он у меня и украл, скажешь, нет? – пожал плечами Жора. – А ты на свиданку, что ли, идешь? Чего это вырядился, как матка боска?

Алёна просто не верила своему счастью. Это же словесный остров сокровищ, лингвистический Клондайк! Она пришла в такой восторг, что слушала и млела, ничего не записывая, только перекладывала орудия писательского труда из руки в руку.

– Девушка, вы тут в засаде или шё? – раздался возмущенный женский голос, и Алёна растерянно оглянулась. Оказывается, она стояла около прилавка, заваленного горами помидоров, огурцов, зелени, причем перекрывала подход к прилавку всем покупателям. Неудивительно, что рыжеволосая продавщица возмутилась. – Я думала, она выбирает помидорку, а у нее уши на ширине плеч!

Бритая голова на бычьей шее повернулась, маленькие темные глазки кольнули Алёну, а потом Жора что-то сказал своему собеседнику, и обладатель соломенно-желтого костюма исчез с такой же скоростью, как если бы он был песчинкой, которую сдуло ветром.

– Какую ерунду вы говорите! – пробормотала Алёна, думая, что надо ничего не забыть из услышанного, а еще записать про уши на ширине плеч. – Я просто ждала, когда этот... э-э... господин, – она подбородком указала на Жору, – освободится. Я... хотела купить клубнику.

– Сколько надо? – спросил Жора, поглядывая подозрительно. – Килу? Две? Пять?

«Килу», – мысленно повторила Алёна, шёбы... то есть, извините, *чтобы* не забыть, и покачала головой:

– Нет-нет, полкилограмма вполне достаточно.

– Полкило! – с презрением воскликнул Жора, забирая ягоду «сахарным» совком. – Только рукавами трясти. Ну ладно, с вас десять гривен.

Тридцать рублей за полкилограмма клубники? Неплохо, в Нижнем Горьком это стоило бы от семидесяти пяти до ста. Ну, за такую мелочь, может, спросили бы шестьдесят, но все равно – выгодная покупка. И еще словарный запас пополнен! Теперь поскорей все записать, чтобы не забыть.

– Эй, а моя помидорка? – возмутилась рыжая продавщица. – Бери «микадо», самая вкусная. Купишь к ней еще брынзы или скумбрийки копченой – ум отъешь.

– А почему они? – спросила Алёна, разглядывая тугие ярко-розовые помидоры, напоминающие формой всем известное «бычье сердце», но маленькие, аккуратненькие. В них и впрямь было что-то неуловимо-японское.

– Тридцать! – безапелляционно заявила продавщица, но Алёна училась быстро:

– А купить?

Продавщица усмехнулась:

– Ну, двадцать пять...

Алёна заплатила и пошла поскорей куда-нибудь в укромное место, чтобы поставить пакеты и записать одесские перлы, пока те не вылетели из ее довольно-таки дырявой памяти.

Укромное место не попадалось, зато в его поисках Алёна забрела в молочный павильон, где сначала долго собирала в кучку опять разбежавшиеся глаза, а потом, напробовавшись до умопомрачения, купила малосолевой козьей брынзы... выражение «ум отъешь» подходило к ней как нельзя лучше!

Еще ужасно хотелось пойти купить копченой скумбрии и кровяной колбасы, но, ребята, от таких блюд скоро ни в одно танговское платье не влезешь, а они и так сидели на нашей героине в самую обlipочку.

«Может быть, завтра, – сказала себе Алёна твердо. – Или послезавтра. Зачем запасаться впрок, когда в Одессе все всегда свежее?»

Наконец в самом конце огромного павильона она нашла пустой прилавок, сгрузила на него покупки и поспешно выхватила блокнот.

Так... «сколько денег», «а купить», «и вам тоже ж», «лех к ебенемать» – о смысле легко догадаться, «шкиля» – пожалуй, это означает скелет, «бичок», «риба», «каким левым боком к рибе прижался», «вырядился, как матка боска»... Все? Нет, было еще какое-то слово... «дрэк»! Жора говорил о клубнике, что она – сущий дрэк. Сахар? Мед?

– Извините, – обратилась она к побитому временем дядьку, который тосковал над горой непроданной брынзы, жмуря свои заплывшие «после вчерашнего» карие очи. – Вы здешний, из Одессы?

– А шё? – лениво повел дядько некогда соболиной, а теперь изрядно облезлой бровью.

– Понимаете, я писательница, записываю местные слова и выражения... Меня интересует слово «дрэк». Что оно значит?

Дядько раскрыл глаза, посмотрел на Алёну, потом вдруг покраснел.

– А вы с мене не смеетесь? – спросил недоверчиво.

– Честное благородное слово! – торжественно отчеканила Алёна, вспомнив любимые книжки детства. – Святой истинный крест!

– Эге ж... – снова прижмурился дядько. – Тады вон шё, дамочка... ви сейчас, как стояли, идите отсюда во-он туда. – Он указал тощей десницей направление. – Тама будет общественный сортир. Зайдите в кабинку, закройте дверку, посидите хорошенько, подумайте... и скоро будет вам дрэк, если у вас запору нету.

– Что? – пролепетала Алёна, не веря ушам.

– А вот то! – взревел дядько. – Ходит тут, измывается над добрыми людьми! Дрэк ей покажи! Посмотри на дюка с люка, ясно?

Вокруг захохотали. Алёна схватила сумки, блокнот и кинулась в ближайшую дверь на улицу.

Ее трясло не то от возмущения, не то от смеха. С другой стороны, Жёра был весьма самокритичен, подумала она, заглянув в пакет с клубникой. Сущее... в смысле, сущий этот самый дрэк. И место ему именно там, куда Алёне советовал пойти волоокий дядько. Впрочем, сойдет и ближайшая урна. И очень кстати рядом продают отличную черешню по смешной и веселой цене. Но теперь, прежде чем покупать, Алёна попробовала ягоду и осталась вполне довольна.

Однако лингвистический задор все еще не оставлял ее, к тому же она ведь была Дева по знаку зодиака, а значит, во что бы то ни стало должна была докопаться до сути дела. Посмотри на дюка с люка? Дюк – это герцог Ришелье, основатель Одессы, наверное, имеется в виду его памятник, а с какого люка на него надо смотреть и зачем?.. И, расплачиваясь за черешню, Алёна осторожно спросила:

– Вы меня извините, я писательница, собираю всякие интересные одесские выражения... Я тут слышала одну фразу, но не понимаю ее значения. «Посмотри на дюка с люка» – и что?

Продавщица черешни и бровью не повела.

– И увидишь. й у дюка, – любезно сообщила она.

* * *

Шмулик Цимбал шел по улицам Одессы-мамы, держа благоухающий сверток с цветами на отлете, упрятав нос в воротник хилого пальтеца, уткнув глаза в землю. Впрочем, у Шмулика, наверное, было четыре глаза, потому что он умудрялся вовремя порскать на другую сторону улицы, если впереди показывались французские легионеры, греческие солдаты или сенегальские стрелки, похожие своим обмундированием-оперением на ярких тропических птиц. Вот только «птицы» эти были чернокожие.

Пробегая по Гаванной, мимо синемаатографа «Киноуточкино», Шмулик вынул нос из воротника и посмотрел на огромную афишу. Он нарочно сделал огромный крюк от Молдаванки, чтобы пройти здесь и эту афишу увидеть. На ней был нарисован коленопреклоненный молодой красавец во фраке и белом жилете. Молодой человек дико тарасил глаза на узкий тонкий кинжал, лезвие кинжала было окровавлено, и капли крови капали на тело женщины, лежащей у ног молодца.

Лицо ее было отчетливо видно. То самое лицо с открыток, которые Шмулик недавно отдал Мише Япончику. Это была обворожительная женщина с огромными, трагическими глазами и черными вьющимися волосами. Это была красавица! При взгляде на нее хотелось зарыдать оттого, что таких женщин увидишь лишь на афишах синемаатографа, но не встретишь ни на Молдаванке, ни на Большом, а также Малом Фонтане, ни на Дерibasовской улице, ни на Французском бульваре, ни в Александровском саду и даже на Ришельевской лестнице. Однако Шмулик доподлинно знал, что такая женщина есть на свете! Знали это и те многочисленные одесситы, которые стояли в длинной очереди перед синемаатографом «Киноуточкино», с вожделением взирая на афишу, объявлявшую о показе модной фильма «Последнее танго» с участием королевы экрана Веры Холодной.

О, как же она была прекрасна, королева экрана Вера Холодная! Ее темно-серые, почти черные глаза с поволокой, ее взгляд чуть исподлобья, ее капризный детский рот, ее надменные брови, ее нежный подбородок, ее томные веки, длинные загнутые ресницы, ее изысканные руки в перстнях и браслетах и стройные ножки, которые зритель фильма «Позабудь про камин, в нем погасли огни» мог видеть обнаженными до самого колена... О, как же это было прекрасно!

В нее были влюблены все: мужчины и женщины. В нее были влюблены и Шмулик Цимбал, и Миша Япончик (какой бы фасон ни держал!), и Лёдя Гришин-Алмазов... В нее были влюблены красные, белые, зеленые... Вся Россия была в нее влюблена! Вся Россия смотрела ее фильмы и пела романсы из них.

Шмулик прислушался. Да, ему не померещилось: несколько человек, притопывая, чтобы согреться, напевали песенку, которая была написана популярной певицей Изой Кремер. Именно по этой песенке была снята кинокартина «Последнее танго» с Верой Холодной в главной роли, и Моня недавно слышал ее от короля Молдаванки:

Но вот навстречу вышел кто-то стройный...
Он Кло спокойно руку подает.
Партнера Джо из Аргентины знойной
Она в танцоре этом узнает!
Трепещет Кло и плачет вместе с скрипкой.
В тревоге замер шумный зал...
И вот конец! Джо с дьявольской улыбкой
Вонзает в Кло кинжал...

Шмулик посмотрел на нарисованный кинжал, потом перевел взгляд на безжизненное тело нарисованной красавицы и вздохнул: «Эта дама достойна того, чтобы ей поставить памятник из розового мрамора еще при жизни...»

Он снова вздохнул и закашлялся, когда приторно-сладкий аромат букета коснулся его ноздрей. Повернул букет, сунул его под мышку цветами назад, а стеблями вперед, как бабы носят банные веники. И пошел дальше.

Шмулик искал «красную шапку». «Красными шапками» в Одессе назывались рассыльные, которые в прежние времена разносили по заказу конфеты, цветы, подарки, любовные послания, поздравления... Раньше их биржа находилась у входа в Пассаж. Теперь-то, в феврале девятнадцатого, после кратковременного господства красных, «красные шапки» были почти все ликвидированы как класс, даром что носили красные шапки! Однако поговаривали, некоторые особи еще водились. Шмулик слышал, что такую «шапку» вполне можно найти в кафе «Фанкони» на углу Екатерининской улицы.

Там же неподалеку, на Дерибасовской, испокон веков находились цветочные ряды. Однако сейчас, зимой, ряды были пусты, только какая-то унылая старуха чахла над горшком с подмороженной розовой геранью.

Шмулик миновал опустевшие цветочные прилавки и вошел в кафе. При «ранешном режиме» это было роскошное место с великолепными зеркальными витринами и стеклянными столиками, с бархатными портьерами и разноцветными попугаями в золоченых клетках, однако после того, как красные похозяйничали в городе, от сверкающего великолепия «Фанкони» мало что осталось. Витрины до сих пор были забраны листами фанеры, а вместо стеклянных столиков стояли самые обыкновенные деревянные. Впрочем, и за ними не было ни единого посетителя, за исключением тощего сутулого старика со следами бывшего благообразия на лице. На старике было потертое пальто с башлыком, откинутым на плечи, на груди бляха, как у железнодорожного носильщика, а на фуражке – табличка с облупленной надписью: «Рассыльный». Фуражка с галунами была красная, и Шмулик Цимбал понял: он нашел то, что искал.

Он сделал знак:

– Я имею вам сказать пару слов!

Старик подошел к нему с недоверчивым, даже опасливым выражением, однако по мере того, как он слушал торопливый Шмуликов шепот, его лицо приобретало восторженное выражение. Он несколько раз приложился носом к свертку, закатил глаза, изображая неземное блаженство, и спросил:

– Лилии? Неужели это лилии?!

Шмулик не удостоил его ответом. Он расплатился с «красной шапкой», хотя, судя по блаженной физиономии, тот был готов исполнить поручение и на шармака, то есть задаром, и повернулся, чтобы уйти.

– А письмо для дамы? А карточка? – не унимался рассыльный, игриво подмигивая Шмулику.

– Все внутри, – буркнул тот и вышел, придерживая дверь для «красной шапки».

Судя по всему, посыльный давненько не носил цветов, потому что бросился исполнять поручение со всех ног.

Шмулик не без печали посмотрел ему вслед и вновь спрятал нос в воротник. Он знал, что ему надо возвращаться на Молдаванку, к ее королю, однако, словно против воли, ноги вновь понесли его к синематографу «Киноуточкино».

Очередь желающих посмотреть «Последнее танго» не уменьшилась.

Шмулик Цимбал смотрел на неправдоподобно красивое лицо умирающей Кло, а сам словно бы видел чудака-рассыльного, как он бежит со всех ног на Пушкинскую улицу, к гостинице «Бристоль», как по-свойски подмигивает швейцару, как подходит к портье и, сорвав со своей ноши некрасивую оберточную бумагу, открывает роскошный букет белых лилий... сладко, даже приторно благоухающих... невероятно-прекрасный, сказочный букет... и говорит:

– Мадам Вере Холодной от мсье Эмиля Энно!

Шмулик махнул головой, отгоняя видение, от которого ему стало так тяжело на сердце, словно пуля из «Велодога» Миши Япончика, короля Молдаванки, все же пронзила его.

– Ну что вы скажете на это несчастье? – шепнул он беспомощно, чувствуя, что у него начинается щипать глаза. – Это же сущий кошмар! Ай-я-яй!..

Потом он покачал головой и побрел своим путем, бормоча под нос невнятно и не в лад:

В далекой знойной Аргентине,
Где небо южное так сине,
Где женщины как на картине,

Про Джо и Кло поют...
Там знают огненные страсти,
Там все покорны этой власти,
Там часто по дороге к счастью
Любовь и смерть идут!..

* * *

Алёна глянула в путеводитель по Одессе, который купила сегодня. Художественный музей работает до шести. Сейчас начало шестого. Она успела и поесть, и отдохнуть. Судя по карте, ходу от гостиницы до Софийской улицы – минут десять. Запросто можно успеть если не приобщиться сегодня к искусству, то хотя бы отметить.

Через десять минут она вылетела из гостиницы и целенаправленно ринулась в нужном направлении, стараясь уже не отвлекаться на окружающую красоту. Она даже не позволила себе свернуть на Ришельевскую и добежать до памятника дюку, чтобы найти нужный люк и посмотреть с него. Ни дюк, ни люк, ни вся прочая атрибутика никуда не денутся, а музей вот-вот закроется! Скорей! По Дерibasовской мимо Горсада на Преображенскую, по ней вперед, вперед, вперед... где-то должен быть поворот на Софиевскую...

Вообще какие-то довольно обшарпанные места, очень далекие от парадности центра... И спросить не у кого, улица пуста. Впрочем, нет, вот неряшливый и небритый оборванец в мятой шляпе – очень в стиле этой улицы! – задумчиво застыл над урной, вокруг которой валялись окурки, словно выбирая один из них, самый презентабельный.

– Извините, – робко спросила Алёна, – Художественный музей... где-то здесь, не подскажете?

Оборванец сильно застеснялся, надвинул шляпу на глаза и пошел прочь, сунув руки в карманы. В прорезях лоснящегося пиджачишки открылись джинсы такой степени потертости, что приличной женщине следовало застенчиво отвести взгляд, что Алёна немедленно и сделала.

– Еще пять шагов – и вы там, – донесся неприветливый ответ, и оборванец скрылся в подворотне.

– Спасибо, – сказала вслед Алёна, подумав, что она явно уже видела сегодня где-то этого типа. На Привозе, может быть? Где-то на улице? Приметная внешность, высокий такой, темноволосый...

Да мало ли народу видела она сегодня на улицах? Запросто и этот элегантный оборванец мог мелькнуть перед глазами.

Да господь с ним, главное, что он оказался прав: вот перед Алёной «Одесский художний музей», как гласит вывеска. Прекрасное темно-красное двухэтажное здание в глубине парка, видимо, начала девятнадцатого века, ну просто восхитительное! Перед чугунной оградой приутилась довольно уродливенькая стекляшка проходной с объявлением: «Музей працює ізоденна, крим вівторка, з 11 до 18».

Алёна подошла к двери, толкнула ее раз и другой, постучала...

Что такое?

Глянула на часы. Працую изоденна? З 11 до 18? Как бы не так! Сегодня, выражаясь на государственном языке, п'ятниця, а никакой не вівторок, и времени всего лишь начало шестого, но музей совершенно даже не працює!

Алёна стукнула в огромное окно проходной, но в это время сзади раздался автомобильный сигнал. Она оглянулась и увидела, что подъехала милицейская машина. Камуфлированная фигура двинулась к двери и открыла ее.

– Сюда, ребята! – махнул охранник, и Алёна почувствовала, что ее бесцеремонно сдвинули в сторону. Мимо прошли два милиционера и человек в штатском. Но дверь осталась открыта. И Алёна немедленно предприняла попытку в нее проникнуть. Охранник тотчас преградил путь:

– Что вы тут топчетесь, девушка?!

– Хочу попасть в музей, – вежливо ответила Алёна.

– Музей закрыт.

– А почему? Сегодня не вторник, и времени до шести еще полно!

– Профилактические работы, – проговорил охранник, несколько запнувшись. Потом взгляд его уплыл поверх головы Алёны: – Отойдите, отойдите, не мешайте!

Сзади скрипнули тормоза. Алёна оглянулась.

Ого! Еще одна машина подъехала! Еще одна группа серьезно настроенных товарищей появилась! И Алёну снова бесцеремонно, а точнее сказать, довольно хамски сдвинули в сторону!

– Профилактические работы? – не сдержала ехидства Алёна. – Ремонт замков и шпингалетов? Или проверяете подлинность экспонатов?

Нет, она иногда могла-таки сказануть... гюрза нервно шипит в сторонке!

Цап! Алёна вдруг ощутила два крепких захвата под руки слева и справа, а потом ее, чуть приподняв над землей, буквально протащили в проходную и повлекли дальше, очень безапелляционно, подобно тому, как приспешники Сатаны влекут в ад грешную душу по прекрасному парку, в какую-то боковую дверь... жаркий аромат свежескошенной травы и цветов вмиг сменился запахом непроветренного помещения, паркетного лака, старой краски... Алёна то пыталась вырваться, то поглядывала по сторонам... итак, она все же попала в музей, правда, таким нетрадиционным способом... успеть хоть что-то посмотреть... нет, бесполезно, картины защищены стеклом, в котором бликует свет, попадающий из окон. Ничего не видно...

– Да куда вы меня тащите? – наконец догадалась она крикнуть. – В чем дело?!

Ей не отвечали. У Алёны уже заболели руки, как вдруг ее боком пропихнули в какую-то узкую дверь – и отпустили.

– Да что это за безобразия! – крикнула она гневно, потирая плечи и озираясь. – В чем вообще дело?

Она находилась в крохотном кабинетике, куда был втиснут старый письменный стол, два стула – и больше ничего. Окна без штор забраны эмалированными решетками. Хм... сущий застенок!

Один из доставивших ее милиционеров отвел глаза. Второй в это время что-то быстро нашептал – Алёне удалось расслышать только слово «майор» – сидевшему за столом плотному, широкоплечему и бритоголовому человеку в сиренево-голубой форменной рубашке с черным узким галстуком и черно-желто-белым шевроном на рукаве. На столе лежали какие-то бумаги, фотографии и, – на самом краешке, – черная фуражка с серебряно-голубым гербом. В ней было что-то невыносимо зловещее.

А сам майор был рыжий... то есть настолько рыжий и веснушчатый, что белые участки кожи на его лице и руках казались редкими вкраплениями.

– Нічого собі, – сказав він, вислухав торопливий шепіток свого підчиненого і переведя погляд рижуватих очей (навіть вони були в масть!) на Алёну. – Мене цікавить, громадянка, як вам на ім'я та нащо ви сюди прийшли. Та що ви робили минулої нічю.

Минулої нічю?!

– Do you speak Russian? – спросила Алёна. – Or, may be, English? Or French?

– Ви чужоземка? – растерянно спросил рыжий майор.

– Да, – ответила Алёна. – Чужоземка. Я русская. Украинский понимаю с трудом, а говорить на нем вообще не умею. Поэтому или вы говорите по-русски, или перейдите на английский или французский, или вызовите переводчика, пожалуйста.

– Переводчика позвать? – ухмыльнулся рыжий, обнажая в улыбке зубы, которые были мелкими и острыми, как у хорька. – Вы, я вижу, любите шутить шутки и играть с огнем?

– И в мыслях не было, – пожала плечами Алёна.

Да, если этот рыжий хорек в майорском звании в нее всерьез вцепится...

– Меня зовут Алёна Дмитриева, – сказала она смиренно, – я пришла в музей и никак не могла добиться ответа на вопрос, почему он закрыт, и когда я говорила об этом с дежурным, меня вдруг схватили и притащили сюда вот эти двое э-э... – Она по укореившейся привычке хотела сказать «господ», но жизненный опыт показывал, что иные люди воспринимают это слово как оскорбление. Назвать одесских ментов товарищами как-то язык не поворачивался. – Эти двое сотрудников милиции. При этом они не потрудились поставить меня в известность о причине задержания. Могу ли я осведомиться, чем вызвала такую бурную реакцию правоохранительных органов?

Вообще наша героиня в совершенстве владела всеми пластами великого и могучего, в том числе – и занудными канцелярскими оборотами.

– Алёна Дмитриева... – задумчиво повторил майор, игнорируя ее вопрос. – Вы из откуда к нам в Одессу прибыли?

– Из... Нижнего Горького, – ответила Алёна после некоторой заминки, во время которой она проглотила попавшую в рот смешинку.

– Понятно... А в Одессе где проживаете?

– В гостинице «Дерибас».

– Понятно. Хорошая гостиница! – кивнул майор. – Станете утверждать, будто ночь там провели?

– Стану, тем более что это правда.

– И в каком номере?

– В пятнадцатом.

– А если я позвоню в гостиницу и уточню? – спросил майор с откровенной ухмылкой.

– Да ради бога, – позволила себе ухмыльнуться и Алёна.

Майор сказал что-то по-украински. Дословно переводить Алёна не взялась бы, но поняла, что майор посылал своего подчиненного сходить к директору музея и поискать у нее телефонный справочник.

Она усмехнулась и достала гостиничную визитку:

– Прошу вас.

– Дякую, – рассеянно отозвался майор, но тотчас спохватился: – Спасибо.

И достал из кармана мобильник.

Последовал короткий, быстрый разговор, после которого майор с ледяной улыбкой посмотрел на Алёну и с расстановкой сказал:

– Так вот что, гражданочка. Никакая Алёна Дмитриева в этом отеле не проживает. Так что уточните все же, где вы проводили ночь, а главное, откуда вам известно про совершенное преступление?

* * *

Воронцовы были не слишком-то заметной семьей в истории России до ночи 25 ноября 1741 года, когда цесаревна Елизавета Петровна, дочь Петра Великого, вдруг спохватилась, что и лучшие годы ее уходят попусту, и жизнь в любую минуту может оборваться произволом немцев, захвативших престол. В ту ночь сама Елизавета, друг ее граф Михаил Ворон-

цов да лекарь Арман Лесток отправились в казармы Преображенского полка, откуда вышли окруженные гвардейцами и отправились брать Зимний. С тех пор как потомки Романовых вновь укрепились на российском престоле, Воронцовы бывали, как правило, обласканы властью и занимали самые высокие государственные должности. Один из них, тоже Михаил Семенович, при Николае Первом стал наместником Кавказа, а женат он был... о, женат он был на женщине совершенно легендарной – на Елизавете Ксаверьевне Браницкой, внучатой племяннице Георгия Потемкина-Таврического, ставшей в замужестве, естественно, Воронцовой и прославленной своей красотой, умом, но главное – пылкой любовью, которую некогда питал к ней сам Пушкин.

Воронцовы пришли в ужас, когда единственный их сын Семен, надежда и отрада родителей, вдруг сообщил о намерении жениться... на ком?! На бывшей фаворитке Великого князя Александра, на вдове с ребенком, прижитым невесть от кого, на женщине, отвергнутой подчиненным князя Воронцова, Барятинским! На даме, за которой, подобно испачканному шлейфу платья, влачили слухи и сплетни, сплетни и слухи...

Воронцовы сказали решительное «нет».

Мария Васильевна узнала об их отказе перед тем, как ее карета остановилась около умирающей гречанки.

Госпожа Столыпина находилась в самом безнадежном настроении. Она знала, насколько предан Семен Михайлович отцу и как обожает мать. При том, что этот двадцатишестилетний молодой человек служил на Кавказе, принимал участие в операциях против горцев и в 1846 году за отличие в Даргинском походе был произведен в титулярные советники с пожалованием звания камер-юнкера, он был удивительно послушным сыном. И Мария знала: несмотря на всю возвышенную любовь к ней князя Семена, воля Елизаветы Ксаверьевны все перевесит. Но ведь умирающая пообещала, что происки старухи будут бессильны...

Но что еще говорила гречанка? О каком-то перстне?

Мария Васильевна раздвинула тряпье, прикрывавшее детское тельце, и увидела, что на шею спящей девочки надет шнурок, к которому привязан массивный перстень.

Хм... а ведь это золото! Продав его, гречанка, быть может, спасла бы себе жизнь. Топорная работа, такой на бал не наденешь. Да он и великоват будет для тонких, изящных пальцев Марии Васильевны. А какой странный камень вставлен в оправу! Нет, он не драгоценный. Какой-то тусклый, серый, непрозрачный, с желтыми пятнами... Да еще исчерчен черными полосами, которые образуют что-то вроде креста.

Воистину странный камень! Невзрачный, конечно, но есть в нем какое-то очарование. Чем дольше на него смотришь, тем сильнее он привлекает.

Мария Васильевна осторожно сняла с шеи девочки шнурок и распутала узел. Потом надела перстень на средний палец правой руки. Ну, здесь он кое-как держится. А все же это очень красивая и необычная вещь! В нем есть что-то загадочное... он подобен тайной страсти, когда все самое яркое скрыто от посторонних глаз и известно только двоим...

Тайная страсть!

Мария Васильевна вздрогнула и в изумлении посмотрела на камень. Сейчас ей казалось это настолько очевидным, что можно было только диву даваться, как она сама не додумалась... она, опытная женщина, которая, кажется, знала о страсти все...

Вот что она может противопоставить деспотизму материнской любви княгини Воронцовой! Страсть, которую молодой князь Семен будет испытывать к своей обожаемой Мари!

О господи, да у нее разум помутился, что ли? Что это она вдруг взялась строить из себя недотрогу?! Да молодого Воронцова дрожь бьет, даже если он просто касается руки Мари, а уж когда обнимает ее в танце, – похож на безумного... что же будет с ним, если...

– Что прикажете с девчоночкой делать, ваше сиятельство? – вторгся в мысли голос лакея.

– Снеси в людскую. Скажи, что я велела найти ей кормилицу. Потом отдам в какую-нибудь семью. Может быть, к грекам... ты говоришь, знаешь кого-то из них?

– Господи Иисусе! – возбужденно воскликнул мальчик. – Не далее как третьего дня слышал, мол, очень горюет один из них – грек откуда-то из Малороссии, а может, из Новороссии, – что не дал Бог ему детей. Уж не предложить ли ему девочку? Небось счастлив будет!

– А как этот грек в Петербурге оказался?

– У него брат тут жил, болел, да помер. Этот грек и приехал последний долг отдать... Дать знать ему о девочке, а, ваша милость?!

Мария Васильевна посмотрела на мертвое лицо гречанки. Умиротворение и довольство отражалось в чертах. Все волнения жизни покинули несчастную. Теперь она воистину упокоилась... А может быть, она слышала этот разговор?

– Вот и придумали, – сказала ей Мария Васильевна. – Я не отступлюсь от своего слова. – Она повернулась к лакею: – Найди этого грека и приведи ко мне. Но сначала нужно отыскать кормилицу для малышки.

И она почти побежала к дому.

Скорее написать князю Семену Михайловичу и пригласить его к ужину. К очень позднему ужину... Скорее! Немедленно!

* * *

– Произошла ужасная путаница, – смущенно пробормотала Алёна. – Я назвала вам свой псевдоним, я под этим именем пишу. Понимаете, я писательница, и я так к этому псевдониму привыкла, что он сам у меня с языка соскакивает. А на самом-то деле меня зовут Елена Дмитриевна Ярушкина. Именно под этим именем я и остановилась в «Дерибасе».

По ряду милиционеров, застывших у стены, пробежало некое шевеление, которое было немедленно пресечено властным жестом майора. А в его рыжих глазах, обращенных к Алёне, промелькнуло странное выражение:

– Псевдоним, значит? Писательница? Ну-ну... А под псевдонимом «Лариса Владимировна Зорбала» вы, случайно, не пишете?

– Нет, – слегка растерявшись, покачала она головой. – А кто это такая?

– Это та громадянка, которая остановилась в «Дерибасе» в пятнадцатом номере, – сказал майор.

Мгновение Алёна смотрела на него, бессмысленно моргая, потом прижала пальцы к вискам.

– О боже мой...

– Так... – с удовлетворением сказал рыжий. – Кажется, вы начинаете понимать, что лучше было бы сразу во всем сознаться, а не врать?!

– Да я и не врала! – воскликнула Алёна. – Я в самом деле провела ночь в пятнадцатом номере! Эта Лариса Владимировна или как ее там, приехала в гостиницу только утром! Номер у нее был забронирован с вечера, но приехала она утром! Поездом! А я прилетела ночью, московским рейсом, у меня был заказан десятый номер, но спать там оказалось совершенно невозможно, потому что под окнами стройка, работы шли всю ночь. Поэтому дежурная сжалась и на одну ночь поселила меня в пятнадцатый номер, свободный, окна которого выходят на противоположную сторону! Там я и ночевала. Понимаете? А рано утром перебежала к себе, чтобы, когда появится Лариса Владимировна, номер был свободен! Да вы легко можете проверить это, позвонив в «Дерибас»! А если не верите, вот, смотрите, в руках у вас «Карточка гостя» из «Дерибаса», на которой значится мой номер и фамилия!

Майор перевернул визитку гостиницы и прочел вслух:

– «*Ярушикина Елена Дмитриевна, номер 10*». – Пренебрежительно пожал плечами: – Ну знаете, написать можно что угодно и где угодно, а вы мне паспорт покажите.

Алёна сунулась было в сумку, однако стоящий сзади милиционер схватил ее за руку.

Алёна сердито оглянулась... Вид у этого высокого сероглазого и горбоносого парня был, мягко говоря, настороженный.

Что же тут случилось, в музее?! Неужели и правда какое-то преступление?

– Отставить, Африканов. Разрешите заглянуть в вашу сумочку? – протянул руку майор.

Алёна не стала спорить, хотя могла бы сказать, что слово «сумочка» к ней не имеет никакого отношения. Сумища – звучит точнее. Впрочем, это детали.

Короткие веснушчатые пальцы проворно проверили все многочисленное и многообразное содержимое Алёниной сумки, с особым тщанием исследовали помаду, тушь для ресниц, коробочку ароматических леденцов, флакончик любимых духов «Burberry Weekend», маленькую баночку с увлажняющим кремом для лица, тюбик с кремом «Кетонал» и упаковку аналогичных таблеток (от танцевальных перегрузок у Алёны иногда невыносимо болело колено, жестоко пострадавшее в одной русско-французской танцевально-детективной авантюре несколько лет назад)⁷, не без интереса переверостили пачечку гривен, которые Алёна сегодня взяла в банкомате, и, наконец, открыли паспорт.

Процесс изучения его страниц длился как-то очень долго. Вслед за тем майор опять взялся за телефон. Алёна поняла только первую фразу: «Готель «Дерибас»?» – все остальное было вновь покрыто мраком украинской мовы. Разговор шел с такой скоростью, словно майор вел словесную перестрелку с дежурной.

Наконец он положил трубку и, удовлетворенно улыбаясь чему-то, убрал паспорт Алёны в ящик стола.

– Что это значит? – возмущенно спросила наша героиня. – Верните мои документы!

– Авжеж, – покладисто кивнул майор. – Конечно! Но не раньше, чем узнаю, где конкретно вы провели ночь. Оформили вы документы сегодня утром. Значит, ночью вас в «Дерибасе» не было.

– Что за бред? Это кто вам сказал?!

– Дежурная, которая сейчас работает.

– А вы спросите дежурную, которая работала ночью. Она такая высокая и очень полная, ну очень! Ее зовут Татьяна. Она подтвердит.

– Придумайте еще что-нибудь, – хмыкнул рыжий. – Что-нибудь, что может подтвердить ваше алиби.

Мгновение Алёна смотрела на него с изумлением, потом расхохоталась:

– Сначала вы расскажите мне что-нибудь, что может подтвердить законность ваших приставаний ко мне. Что вы мне шьете? По какой причине? Ночевала я в гостинице, не ночевала... а если бы я даже провела ночь под забором, вам-то что?

– А вот я вас сейчас как отправлю в обезьянник на трое суток до выяснения обстоятельств, так узнаете, что мне! – прошипел майор.

– Да? – с издевкой протянула наша героиня, которой уже конкретно попала вожжа под хвост от всей этой ну просто нереальной нелепости.

Сходила, называется, в музей! Приобщилась к искусству!

– А как насчет незаконного задержания гражданки иностранного государства? – надменно спросила Алёна. – Поправьте меня, если я ошибаюсь, но вы по моей просьбе должны немедленно вызвать русского консула и произвести предъявление обвинений, а также задержание в его присутствии!

⁷ Об этом можно прочесть в романе Елены Арсеньевой «На все четыре стороны», издательство «ЭКСМО».

На самом деле черт его знает, должен майор вызывать консула или нет, Алёна об этом не имела ни малейшего представления. Но блефовать она умела, хотя в карты отродясь не играла. А потому с бесстрашным высокомерием уставилась своими позеленевшими от злости глазами в рыжие глаза майора.

И он... растерялся. И с явным облегчением схватился за мобильный телефон, который вдруг разразился звонками.

– Слушаю, – буркнул он в трубку. – А, це ты, Арик... Привет. Шё? А ты откуда знаешь? Алиби ж у нее никакого!

Разговор шел более или менее на русском, вернее, на одесском языке, поэтому Алёна все понимала, и естественно, что она наострила уши, тем паче, что при последних словах рыжие глаза майора вильнули в ее направлении, как бы подтверждая: никакого алиби именно у нее! А при слове «Арик» за спиной Алёны блюстители порядка, переминавшиеся доселе с ноги на ногу, замерли и как бы даже перестали дышать.

Интересно... Это какой-то высокий начальник звонит, что ли?

– Там с номерами какая-то путаница... – пробормотал майор довольно робко. – Нет, ну если ты сам привез... Нет, ну если с тобой... Да ты шё, Арик, ну как я могу об этом забыть, да плюнь мне в глаза, если...

При этих словах рыжий даже на миг зажмурился, как если в самом деле опасался, что неведомый Арик плюнет ему в глаза и этот плевок долетит по мобильной связи.

– Ну ша, Арик, ну не кипишись, считай, что она уже стоит на тротуаре рядом с тобой! А, ты уже на Лонжероновской, понятно... Сказать, чтобы шла к тебе? Ничего не говорить? Ладно, молчу, как рыба об лед! А почему, если она была с то... Ладно, я понял. А шё мне делать с ограб... – Майор подавился и с опаской зыркнул на Алёну. – Шё?! Уже имеешь подозреваемого?! Почти уверен?! А кто он, а? Кто-о?! Да ты шё?! Не, ну не, это слишком даже для него! На девяносто процентов? А улики? Соберешь? Ну, Арик, ну, тогда... без разговоров, считай, он уже в обезьяннике, если так... никаких проблем с твоей лицензией не будет! А цацку найдем? Не, ну ты же ж понимаешь, если у него не окажется цацки, он сухим из воды выйдет, это как пить дать! Не, я верю тебе, как я могу?! Ладно, Арик, все, считай, шё ее уже тут нет. Ну, бывай здоров, не кашляй!

И майор отключился с явным облегчением и даже отер пот со лба. Потом сунул телефон в карман, открыл ящик стола и вытащил оттуда Алёнин паспорт.

– Что ж вы, Олёна Димитриевна, сразу не сказали, где были ночью? Зачем понадобилось про какой-то пятнадцатый номер выдумывать?

– Я ничего не выдумывала... – начала было растерянно Алёна, однако рыжий майор панически махнул рукой:

– Ой, только не начинайте снова, ладушки? Берите ваш паспорт, моя ластивка, и идите, идите... в любом доступном направлении. Я вас больше не задерживаю.

Алёна секунду помедлила... тысяча вопросов вертелась у нее на языке, но задавать их сейчас и пытаться судьбу было бы, по меньшей мере, глупо. Поэтому она только молча кивнула, взяла паспорт, опустила его в сумку и, не удостоив представителей одесской милиции даже взглядом, вышла, стараясь держаться очень прямо, и прикрыла за собой дверь.

И тут гордыня – верная спутница жизни – ей вдруг изменила. Ноги задрожали так, что пришлось прислониться к косяку. И голова закружилась, ладони стали влажными и похолодели. И она услышала, как рыжий майор сердито говорит за дверь:

– Арик сказал, шё он ее из аэропорта привез, шё она с ним ночь провела. Пришлось ее отпустить, тем паче, шё у него уже подозреваемый в кармане!

– А кто, товарищ майор? – раздался голос одного из милиционеров. – Он сказал, кто?

– Сказал, – довольно усмехнулся майор. – И если все получится, мы гуляем на премиальные!

– А вы ему верите? – с сомнением спросил другой. – Этот Арик... Я бы ни одному его слову не поверил!

– Отставить, Африканов! – скомандовал майор. – Засунь свое мнение знаешь куда?

– Так точно, – буркнул Африканов.

Больше ничего Алёна не услышала, потому что за поворотом коридора раздались быстрые приближающиеся шаги, и она кинулась в первую же открытую дверь, слетела по лестнице, потом вихрем пронеслась через холл первого этажа, через парк, через проходную и, оказавшись на Софиевской, огляделась. Улица была практически пуста. Редкие прохожие спокойно шли мимо Художественного музея, не подозревая о том, что здесь свершилось неведомое злодеяние, по причине коего едва не угодила в КПЗ русская писательница Дмитриева, а вырваться из лап недоброжелательного правосудия ей удалось совершенно загадочным образом. Но столь ли уж загадочным?..

Заходящее солнце вдруг отразилось в дрогнувшей створке окна серого облезлого дома, стоявшего напротив музея; стекло блеснуло, ослепило, задрожало... Алёна зажмурилась и отвернулась.

Этот удар света по глазам был подобен озарению.

Алёна снова окинула взглядом улицу. Подумала, попытавшись сориентироваться... и, дойдя до угла Преображенской, пошла в сторону Горсада, где Преображенская соединялась с Лонжероновской.

* * *

– О прекраснейшая, – улыбнулся Вере почтенный и исключительно любезный господин, только что отрекомендованный ей как Василий Витальевич Шульгин, представитель командования Добровольческой деникинской армии в Одессе, – а ведь я видел вас раньше!

– Хм! Покажите мне человека, который бы ее не видел, – усмехнулся Петр Чардынин, актер и режиссер, партнер актрисы Веры Холодной по многим фильмам и постановщик лучших картин, в которых она снималась, а также устроитель приватной вечеринки в номере отеля «Бристоль» в Одессе. Ведь Вера Холодная появилась в Одессе не сама по себе, а с экспедицией кинофирмы Харитоновна, на которую работала. В Одессе должны были происходить натурные съемки картины «Княжна Тараканова», а также сниматься фильмы «Цыганка Аза», «Песнь Персии», «Мисс Кетти», «В тисках любви»... Главных героинь всех этих фильмов играла Вера Холодная, и когда она появлялась на улицах, одесситы забывали все свои дела и шли за ней, как загипнотизированные. Поэтому Чардынин был совершенно прав, когда удивлялся: – Да есть ли такой человек в России бывшей и России нынешней, если слава о ней дошла и до Европы, и до Америки, и даже до Японии?

– Нет, – подчеркнуто покачал головой Шульгин, – конечно, такого человека нет. Но я встречал Веру Васильевну в стародавние времена, так сказать, живьем: в Москве, в клубе «Алатр» в доме Перцова. Там что-то бормотали какие-то футуристы, однако я ничего не видел и не слышал, потому что был до столбняка очарован вашей красотой.

– Хм, – снова усмехнулся ехидный Чардынин, – покажите мне человека, который не был бы очарован ее красотой. Да есть ли такой человек в России бывшей и России нынешней?

И Шульгин снова сказал «нет» с самым сокрушенным видом.

И он говорил правду! Вся Россия была очарована этой женщиной. Вера Холодная была невозможно, неотразимо очаровательна и загадочна. Каждое ее движение было тайной, каждый взгляд из-под низко надвинутой на лоб шляпки заставлял мужское сердце загораться безумной, невероятной надеждой на неземное блаженство, а женское – холодеть от безнадежной зависти и к самой красавице, и к ее славе, и к ее шляпке.

Этих шляпок у Веры Холодной было великое множество (была даже выпущена отдельная серия открыток – киноактриса в своих чудных шляпках!), и все прелестные, необыкновенные, и женщины мучились, не спали ночами от того, что ни одной из них, даже самой богатой, не дано иметь таких шляпок. И в какой только лавке их продают, какие только модистки их делают?! А между тем Вера Холодная мастерила свои шляпки сама.

Ни на одной женщине платья не сидели так великолепно, как на ней: там, где нужно, плотно прилегая к стройному, но отнюдь не худому телу, а там, где нужно, ниспадая причудливыми складками. Платья Веры Холодной могли бы послужить иллюстрациями для журнала мод. И где только берут такие выкройки?! А между тем Вера Холодная не признавала никаких выкроек: портниха накалывала, натягивала, драпировала ткань прямо на ней, а потом только обрезала и сшивала там, где нужно.

Да что платья! Что шляпки! Что ажурные чулочки-паутинки, которые порой можно было увидеть на восхитительных ножках Веры Холодной! Что туфельки последней парижской модели!..

Ни одна женщина не благоухала так, как она. Лишь только актриса входила в комнату, как ноздри у всех присутствующих начинали алчно трепетать, и головы невольно поворачивались на этот сладковато-нежно-горьковатый аромат. В каких только лабораториях алхимиков-парфюмеров изготовляли для нее эти духи?! А между тем, Вера Холодная просто брала духи двух марок – «Роз Жасмино» и «Кеши» – и смешивала их на коже. Вот именно – на коже! Все дело в том, что она была очень чувствительна к запахам, особенно к грубым запахам быта. Ей были глубоко антипатичны также некоторые цветы, например гиацинты, гелиотропы, темно-бордовые розы и даже крупные, тугие осенние хризантемы с их влажным, полынным запахом вызывали у нее легкое удушье и кашель. Но ни от цветов, ни от грубых запахов жизни некуда было деться, именно поэтому она старалась создать между собой и миром ароматическую преграду, опустить эфемерный эфирный занавес, который не заслонял ее красоты, а еще и прибавлял к ней очарования.

Хотя, казалось бы, куда больше?!

Ни у одной женщины не было таких глаз, как у нее! С тех пор как с экрана взглянула на мир Вера Холодная, светлоглазые женщины чувствовали себя ущербными, обделенными судьбой. Глаза красавицы должны быть черными и только черными, и на какие невероятные ухищрения шли обезумевшие барышни и дамы ради этого! Они чернили верхние веки, а на нижние наводили устрашающие тени театральным гримом, в результате чего казались призраками, вот только что, несколько минут тому назад восставшими из могилы. Они мазали ресницы черной тушью так щедро, что на щеки и на беленькие блузочки осыпались хлопья, и нежные особы, чудилось, только что выбрались из кочегарки, где либо занимались любовью с истопником, либо подрабатывали, собственноручно швыряя уголь в топку. Они капали в глаза белладонну, чтобы зрачки расширились и зачерняли радужку, и от этого окружающие считали бедных дам кокаинистками и сторонились их.

А между тем глаза Веры Холодной вовсе не были черными. Они были дымчато-серыми, порой казались темно-серыми. Дело, впрочем, было не в цвете глаз. Дело было в их выражении, в умении поглядеть чуточку исподлобья, враз и равнодушно, и пламенно, отчего казалось, будто их заволакивает черный туман... смотреть в эти колдовские глаза было невыносимо, но при этом хотелось только одного: смотреть в них снова и снова.

Вот и сейчас – Шульгина отчетливо затягивало в этот омут. Вера, впрочем, улыбнулась дружески, чуть насмешливо, и колдовские чары пропали, осталось только восхищение – платоническое и скорее дружеское, чем любовное. Она очень хорошо умела и уронить мужчину к своим ногам, и ненавязчиво, необидно дать ему понять, что – «ни-ни».

Шульгин вздохнул с откровенным разочарованием, и Вера с любопытством поглядела на третьего визитера: сухощавого, молодцеватого генерала-артиллериста (в полевой,

а не в парадной шинели). Он был среднего роста, с крошечными усиками, узким лицом и напряженными серыми глазами.

Чардынин, который встречал гостей, успел шепнуть Вере, что при этом господине явилась целая свита, которую он оставил в коридоре, а сразу за дверью номера встали два татарина-телохранителя с винтовками. Успел Чардынин также сообщить фамилию генерала, однако эта фамилия влетела у актрисы в одно ухо, а в другое вылетела (во всем, что не касалось ее работы, Вера Холодная была исключительно рассеянна), оставив почему-то ассоциацию с ювелирной лавкой.

Вспомнив об этом, Вера не смогла сдержать усмешку, которая, впрочем, тут же исчезла, как только она встретила с генералом глазами. «Ему нет еще и сорока!» – удивилась Вера, подумав почему-то с досадой про своего мужа Владимира, который так и не успел получить мало-мальского повышения по службе. Разве это справедливо?

– Сегодня очень холодно, – внезапно выдал из себя генерал сакраментальную фразу и добавил: – Подчеркиваю: «очень».

Вера удивленно вскинула брови, а генерал продолжал:

– Удобно ли вам в этой комнате? Подчеркиваю: «вам».

Вера улыбнулась: совершенно так же выразался какой-то персонаж из модного в то время романа Юшкевича «Леон Дрей». А генерал со странной настойчивостью продолжал спрашивать – или допрашивать:

– Есть у вас книги для чтения? Подчеркиваю: «для».

И вдруг она разгадала это странное выражение, с которым смотрели его напряженные серые глаза. Да ведь он до смерти ее боялся!

Вера не успела удивиться, как Шульгин заговорил:

– Позвольте рекомендовать вам моего друга и сослуживца генерала Гришина-Алмазова, – сказал он, а французский консул Эмиль Энно, который, вместе со своей русской невестой, вывезенной им из Киева (с первой минуты встречи Вера старалась держаться от этой девушки подальше), тоже был в числе приглашенных, прибавил:

– Notre ami brave! Ma cherie, traduisez!⁸

Галина, хорошенькая черноглазая невеста консула, перевела его слова, однако все их и так поняли. И уставились на Гришина-Алмазова во все глаза, потому что видели его впервые, а слухи о нем ходили самые что ни на есть щекочущие нервы. И название должности его звучало весьма впечатляюще: *одесский диктатор*.

* * *

Алёна шла по Лонжероновской, доедая третью порцию мороженого (сладкое – лучший транквилизатор), понемногу успокаиваясь и разглядывая вывески. Впрочем, она сама вполне понимала, что, собственно, ищет.

Дома на Лонжероновской были вытянуты на целый квартал, совсем как в Париже, и, совершенно как и там, в каждом находилось великое множество фирм, фирмочек и контор. Лидировал в этом списке дом двадцать шесть. В нем помещалось поистине бесчисленное количество учреждений, однако лишь одна вывеска приковала внимание Алёны: *ООО «Частный детектив»*, а строкой ниже – *«Приватный детектив»*, что, видимо, являлось обязательной данью государственному языку.

Алёна достала из сумки карту, развернула и, приняв вид заблудившейся туристки, принялась рассматривать названия улиц, не забывая стрелять глазами поверх карты и вглядываться в идущих мимо одесситов.

⁸ Нашего храброго друга! Дорогая, переведите! (*франц.*)

Не зря же Одессу называют маленьким Марселем, а порой и маленьким Парижем! А шёб-таки видеть, как красивая женщина стоит растерянная, не зная, куда податься в нашей, прямо скажем, жемчужине у моря... нет, это оказалось невыносимым для мужской части одесского народонаселения! То и дело около Алёны останавливался какой-нибудь старик, юноша, мальчик или, не побоимся этого слова, мужчина в расцвете лет и предпринимал попытки сделаться ее провожатым как по улице, так и, при благоприятном расположении звезд, в жизни, и помочь найти то, что она потеряла.

– Спасибо, я уже все нашла, – отвечала Алёна, посылая направо и налево благожелательные улыбки, а сама не переставала сверлить глазами дверь под вывеской «Частный детектив».

– Спасибо, большое спасибо, – улыбнулась она очередному Сусанину-добровольцу, сложила карту – да так и замерла, глядя на высокого, очень элегантного даже в джинсах и простой синей рубашке человека с длинными, аккуратно собранными в хвост полуседыми волосами, очень темными глазами и смуглым лицом. В его внешности было нечто ассирийское... Он как раз в это время подошел к двери с вывеской «Частный детектив» и осмотрелся. Их с Алёной глаза встретились, и человек шагнул к Алёне.

– Слушайте, неужели Рудько проболтался-таки? – спросил он мягким, по-южному протажным голосом. – Я ж просил его...

– Он молчал, как рыба об лед, – с великим трудом удерживаясь от смеха, сказала Алёна. – Вы же слышали, он обещал? Но неужели его фамилия в самом деле Рудько?⁹ – спросила она недоверчиво.

– Вообразите, – кивнул ее собеседник. – Но все же – как вы меня нашли? Как догадались, куда именно идти?

– Это было довольно рискованное предположение, – скромно (на самом деле ужасно собой гордясь), сказала Алёна. – Самое простое было догадаться про место. Про Лонжероновскую. Рудько спросил вас: «Ты уже на Лонжероновской?» Значит, вы здесь или живете, или здесь ваш офис. Потом он обмолвился о том, что лицензия у вас, считай, в кармане, если он кого-то найдет, пробубнил про какие-то улики, которые вы ему добудете, и про цацку, и про подозреваемого... Я сразу вспомнила, как в каком-то романе Чейза частный детектив все время опасался, что у него лицензию отберут, ну и помогал местной полиции чем мог, а все лавры ей доставались.

– Да, у нас почти как у них, это точно, – кивнул мужчина. – Те же проблемы. А в логическом мышлении вам не откажешь! Но как вы меня вообще узнали? Вы на меня сейчас посмотрели без всякого удивления.

– Да я вас еще вчера в аэропорту заметила, – простодушно призналась Алёна. – Вы сказали: «Такси заказано», помните? А вы кто? Таксист? Или все же вот это, – она кивком указала на вывеску, – а таксист по совместительству?

– По совместительству, – улыбнулся он, – а вы внимательны. Я ведь вас тоже именно там заприметил. В аэропорту я был по одному дельцу...

– А по другому дельцу созерцали сегодня какую-то урну на Софиевской, – с невинным видом пробормотала Алёна. – Я у вас спрашивала, как пройти к картинной галерее... а потом вы увидели, как меня под белы ручки втащили в проходную, да?

– Точно! И сразу понял, что Рудько готов натворить глупостей. Я хотел сразу вас отбить, но меня бы не пустили в музей в том моем прикиде, еще и самого упекли бы в каталажку, там на редкость дурковатый дежурный сегодня на проходной, а свой мобильный я забыл, пришлось срочно возвращаться и звонить отсюда. – Он кивнул на вывеску. – Поэтому вам успели нервишки помотать. Кстати, извините, что я вас не приглашаю, у меня в офисе ремонт. Может быть, в кафе заглянем? Хоть познакомимся...

⁹ По-украински рудий – рыжий, то есть Рудько – это Рыжко.

– Зато я знаю, что вас зовут Арик, – сказала Алёна. – Рудько все время твердил: Арик то, Арик се... Это что же значит – Артур? Э-э... Арчибальд? Или, извините, Архип?

– Господи помилуй! – вскричал он. – Всего-навсего Арнольд.

– Всего-навсего! Это называется – ничего себе! А меня зовут всего-навсего Елена. Или чаще Алёна, кому как больше нравится.

– Алёна... Алёна Дмитриева? Так?

Наша героиня не без изумления хлопнула ресницами и сказала насмешливо:

– Только не говорите мне, что вы читаете дамские детективы!

– Не скажу, – как бы даже испуганно выставил ладонь вперед Арнольд. – Просто я вчера встречал в аэропорту одну знакомую, которая сообщила, что летела в одном самолете с писательницей Алёной Дмитриевой. Сказала, что вы очень быстро пишете, что ваша главная героиня – это как бы ваше второе «я» со всеми вашими приключениями, как любовными, так и прочими. И она вашу внешность так подробно описала, что я сразу узнал особу, которую отказался подвезти... Кстати, извините за это. В аэропорту очень строгие порядки: таксисты не отбивают клиентуру у извозчиков, ну а те не лезут к людям, у которых заказано такси. Если паритет нарушается, вполне может случиться немалый мордобой. А мне было очень важно эту даму встретить и доставить вовремя, а также в целостности и сохранности.

– Это ваша жена? – спросила Алёна, изо всех сил стараясь, чтобы в голосе не прозвучало даже самое малое подобие интереса.

– Нет, – равнодушно сказал Арнольд. – Я просто ее встретил и отвез, куда ей было нужно. Иногда я исполняю такие приватные поручения. И машина с шашечками для этого весьма удобна. Мне дает ее один знакомый. А теперь все же заглянем в кафе?

– Берегись! – вдруг раздался крик.

* * *

Светлейшая княгиня Елизавета Ксаверьевна Воронцова, супруга наместника Кавказа, пребывала в истинной ярости. Ее единственный, любимый сын совершенно потерял голову, и из-за кого?! Добро бы из-за юной красавицы, а то ведь от весьма немолодой особы. Она старше князя Семена на пять лет, про ее репутацию и сказать страшно... и при этом она сумела совершенно поработить его! Он вознамерился жениться на вдове! На женщине с прошлым! На Марии Столыпина! Он, о котором мечтали лучшие невесты России! И стоило матери заикнуться о том, что родители запрещают ему видаться с «этой особой», как он воспротивился, и не просто решительно – воинственно! Он пригрозил порвать всякую связь с родителями, если они посмеют третировать его обожаемую Мари. И Елизавета Ксаверьевна обнаружила, что может вообще потерять сына.

Он всегда был «ее мальчиком»... даже когда рисковал жизнью в стычках с горцами на Кавказе, когда рос в чинах и получал награды. Он в глубине души оставался робким ребенком, для которого главная женщина на всем свете – мать.

И теперь... теперь он пал жертвой страсти к другой!

А мать-то думала, что сын ее равнодушен к искушениям плоти!

Она ошибалась, как ошибается всякая мать, когда речь идет о ее ребенке, которого ей хочется всегда считать ребенком.

Ну в кого, в кого Семену было уродиться равнодушным к этим самым плотским радостям? Ведь Елизавета Ксаверьевна наделила сына той же глубокой чувственностью, которой обладала и сама, только она этой чувственностью блистала, а Семен стыдился ее, таил, чтобы матушка не бранила, чтобы отец не пенял... но Мари стала именно тем волшебным ключиком, который открыл для него ларец неисчислимых, незнакомых прежде наслаждений.

Он никак не мог забыть того вечера, когда Мари пригласила его на ужин. Сейчас казалось даже странным, неправдоподобным вспоминать, что он приехал с настроением убедить ее на время расстаться, чтобы успокоить матушку, выждать время... Но стоило ему увидеть Мари, одетую в алое платье, стоило ее тонким пальцам оказаться в его руке, как ужин был забыт. Он так сжал ее руки, что она вскрикнула от боли: тяжелый перстень с невзрачным серым камнем вдавился в кожу. Семен покрыл пальцы поцелуями – и уже не смог оторваться от благоухающей кожи, от нежных рук, от обнаженных плеч и от груди, которая ослепительно сияла белизной над алым шелком платья. Какой там ужин!.. Она стала его пьянящим вином, его ненасыщающей пищей!

Князь Семен вошел в стольпинский дом другом – а вышел любовником, вышел счастливейшим человеком на свете, и теперь никакая сила не могла бы его остановить в стремлении сделать Мари своей не только на тайном ложе страсти, но перед Богом и людьми.

Дожив до двадцати шести лет девственником-неудачником, князь Семен рухнул в бездну такого счастья, о котором не мог прежде даже подозревать. Он чувствовал себя любимым, он сам любил, он верил каждому слову Мари и обожал ее сына – ну, Булька и в самом деле был чудным ребенком. Он искренне полюбил Семена Михайловича, а Мари... Мари была бесконечно благодарна князю за те возможности возрождения, которые он перед ней открывал. И она совершенно не собиралась сдаваться, отступать в сторону, уходить с арены и утрачивать хоть гран того влияния, которое имела на Семена. От этого человека зависело будущее ее сына и ее самой, поэтому Мари знала, что будет сражаться всеми доступными ей средствами.

Конечно, Елизавета Ксаверьевна тоже не собиралась сдаваться. У нее были свои, далеко идущие планы относительно будущего сына. Она решила запугать Мари, явившись к ней во всем блеске своего богатства и титула светлейшей княгини, пригрозить, если надо... она была готова даже кинуться в ноги императору и устроить публичный скандал! Именно этим она и собиралась припугнуть Мари, не сомневаясь: государева семья не простит Стольпиной, если по ее милости выплывут на свет божий и станут предметом сплетен некоторые давно минувшие события вроде начатков любовного образования цесаревича Александра Николаевича.

Словом, неведомо каких безумств наворотила бы Елизавета Ксаверьевна в порыве святой материнской любви, однако нашла коса на камень, нашла – да и сломалась!

Не то чтобы Мари была так уж сильно начитанна и прекрасно знала современную литературу, все же она слышала имя Пушкина, читала его стихи, кое-что знала о его проказах и шалостях, о его любовницах и незаконных детях... знала и о тех слухах, которые ходили относительно рождения Софьи, сестры Семена Воронцова... не то отцом ее был Александр Раевский, не то, вполне возможно, и сам Александр Сергеевич Пушкин, но только не князь Михаил Семенович!

То есть у строгой светской дамы, в которую теперь превратилась Елизавета Ксаверьевна, рыльце на самом деле было очень сильно в пушку! И поэтому, когда светлейшая княгиня явилась обличать неугодную невестку, Мари совершенно спокойно выслушала обвинения – и вернула их ей...

Та бледная, угрюмая, кусающая губы дама, которая уходила из дома Мари Стольпиной, была совершенно не похожа на ту, которая в этот дом входила.

Спустя час Мари получила с нарочным письмо от своего поклонника, любовника и жениха Семена Воронцова. «Они согласны! Венчание завтра!» – вот все, что написал лаконичный Семен.

Впрочем, Мари ждала-таки какой-то пакости от Елизаветы Ксаверьевны – и не зря.

Князь и княгиня Воронцовы на венчание единственного сына не явились.

«Ну, – рассудила Мари, – Бог им судья!»

И незаметно коснулась среднего пальца правой руки, на котором горбился обтянутый белой атласной перчаткой грубый массивный перстень. Конечно, он выглядел чужеродным

на фоне свадебного наряда и прочих изысканных драгоценностей невесты, но Мари это было совершенно безразлично!

* * *

– Берегись!

Алёна в изумлении вскинула глаза, но Арнольд вдруг схватил ее и рванул в сторону с такой силой, что она не упала только чудом. Алёна вцепилась в него обеими руками, уткнулась носом в щеку, на миг приятно поразившись ее мягкости и благоуханию... где-то рядом оказались его губы, слегка коснулись ее губ и прошептали:

– Все в порядке, не бойся.

– Я не боюсь... – прошептала Алёна в его губы, едва ли соображая, что говорит. Это был не поцелуй, это была мимолетная ласка, но сердце дрогнуло... Она в смущении попыталась отстраниться.

Показалось или Арнольд не слишком охотно разжал руки?

Алёна выпрямилась, огляделась. Арнольд хищно рыскал глазами по улице. Кругом раздавались возмущенные крики:

– Да он шмурдяк¹⁰ прокислого опился, шё ли?!

– Байкер шизанутый!

– А шёб тот мотоцикель ему в тухес, да с не выключенным мотором!

– Вот уже эти писюки-недоростки получили в руки технику! Я бы им все поотрывал, что промеж ног, да вместе с теми же ж ногами!

Оказывается, рядом уже собралась небольшая толпишка сочувствующих. Лица плыли перед Алёной из стороны в сторону, размазывались, то выступали, то скрывались в каком-то полумраке. Эй, она что, снова на грани обморока?!

Алёна тряхнула головой, пытаясь прийти в себя, и вдруг одно лицо выступило из расплывчатой мглы – чем-то знакомое, толстоцекое... да это же Жора-Жёра с Привоза, тот продавец, у которого она купила клубнику – то есть не клубнику, а суший дрэк!

Алёна моргнула... лицо исчезло. Показалось, что ли?

– А вы, мужчина, молодцы, как проворно отскокнули! Не то и вас, и даму вашу он бы в картину Малевича превратил, и это как пить дать! – пронзительно выкрикнул кто-то.

– Ну, у Малевича все же «Черный квадрат», – сказал Арнольд очень серьезно. – Строгая геометрическая фигура. А от нас могла бы остаться весьма бесформенная красная мазня.

Алёна покачнулась – и тотчас снова оказалась в объятиях Арнольда.

– Извините! – покаянно шепнул он. – Язык мой – враг мой. Но я в самом деле перепугался этого придурка.

– А что это было? – спросила Алёна. – Я ведь ничего не успела увидеть.

– Вот ведь как бывает! – запричитала какая-то женщина. – Попала бы прямиком на тот свет, даже не поняв, что ее убило!

И чувствительная одесситка зашла в рыданиях, словно уже провожала писательницу Алёну Дмитриеву в последний путь.

– Да все в порядке, – крикнул Арнольд. – Ну, не справился парень с управлением, ну, бывает... Не пугайте даму, пожалуйста. Давайте мы с ней лучше уже пойдем потихонечку.

– Не справился с управлением? – раздался рядом скептический голос. – А мне показалось, он просто виртуоз, этот байкер. Он точно метил в вас! И если не врезался, то лишь потому, что у вас какая-то неправдоподобно быстрая реакция. Вы так лихо отскочили, словно заранее знали, что он на вас наедет!

¹⁰ Шмурдяк – бормотуха, дешевое крепленое вино, «коктейль» из всего, что под руку попадет, непотребное пойло.

– Ага, – буркнул Арнольд. – Получил за неделю уведомление в письменном виде. На самом деле я когда-то закончил цирковое училище. Очень полезное образование, как не единожды выяснялось! Пойдемте, Алёна, вы ужасно бледная. Давайте все же зайдём куда-нибудь, вам чай или кофе совсем не повредят, а может быть, и хороший коньячок.

– Нет-нет, – пробормотала Алёна, – я просто хочу полежать, я в гостиницу хочу...

– Я вас провожу, – понимающе сказал Арнольд. – Пойдемте. Или такси взять?

– Да ну, я лучше подышу свежим воздухом, – сказала Алёна, чуть стыдясь своей слабости. – Какой-то день сегодня... приключенческий. То приняли меня за преступницу, хотя я думала всего-навсего в музей попасть, то байкер взбесился и решил превратить меня в граффити на стене...

– Ну, насчет байкера можете быть спокойны, – перебил Арнольд. – Это не ваше приключение, а скорее мое.

– Ваше?

– Ну да.

– То есть он на вас покушался, что ли?! Значит, правильно тот человек сказал: «Он точно метил в вас! И если не врезался, то лишь потому, что у вас какая-то неправдоподобно быстрая реакция».

– А почему нет? Вы думаете, на детективов покушаются только в романах Чейза? В реальной жизни такое тоже бывает. И даже не так редко, как хотелось бы.

– Конечно, я знаю, но этот байкер... если вы так уверены... вы хотите сказать, что он уже пытался раньше?

– Именно это я и хочу сказать, – усмехнулся Арнольд.

– Но вы... а почему вы не заявили в милицию?!

– Заявил, – вздохнул Арнольд. – Первый раз заявил. Но у меня не было свидетелей, это раз, а во-вторых, этот тип сумел состряпать алиби.

– А в общем-то, это не очень трудно, – сказала Алёна самым невинным голосом. – Видимо, нашлась добрая женщина, которая подтвердила, что он провел с ней ночь? Или день? Или именно этот час?

– Э-э... – озадаченно промямлил Арнольд, – а вы откуда знаете?!

– Я догадливая, – ласково пояснила Алёна. – Это ведь очень расхожее алиби, верно?

– Слушайте, вы что, на меня сердитесь?! – вдруг вскричал Арнольд. – А вас... о черт, я и не подумал... я вас подставил, что ли?! Может быть, вы, не дай бог, замужем, и если это дойдет до вашего мужа...

Он сокрушенно умолк и даже зажмурился от ужаса.

«Вы, не дай бог, замужем...» Хм... интересная обмолвка...

И очень приятная, да?

– Я ничуть даже не замужем, – сказала Алёна небрежно. – Так что с моим реноме все в порядке. Но погодите. Я не сразу сообразила: если вы узнали байкера, если заявили на него в милицию, получается, вы с ним знакомы? В смысле, знаете, кто это? Имя его и все такое?

– Конечно, знаю!

– И вам известно, почему он на вас пытался наехать?

– Разумеется, известно! Потому что я наехал на него. В переносном смысле, конечно. Он по моей вине однажды очень много потерял, поэтому и пытался меня сбить в прошлый раз. Это была попытка отомстить. Сегодня он решил предупредить события.

– То есть вы для него опасны, я так понимаю?

– Совершенно правильно.

– А скажите... – Алёна на мгновение задумалась, потом выпалила: – Это, часом, не имеет отношения к сегодняшнему происшествию в Художественном музее? И не против ли этого человека вы должны представить какие-то улики Рудько в обмен на лицензию?

– Вы просто потрясающе догадливы, – лукаво покосился на нее Арнольд. – И ужасно прямолинейны. Любите называть вещи своими именами, да?

– Ну, – Алёна пожала плечами, – надеюсь, вы не обиделись? А что вообще украли из музея? Какую «цацку», как говорил Рудько? Имелся в виду какой-то музейный экспонат?

– Да не вполне музейный. – Арнольд осторожно придержал Алёну за локоть, внимательно оглядел Гаванную улицу, до которой они как раз дошли, и лишь потом начал переходить ее.

– Так вот насчет «цацки», – продолжил он. – Это экспонат не столько музейный, сколько выставочный. В музее готовилась выставка экспонатов одесских коллекционеров. Ничего особенно ценного, так, сокровища местного значения, зачастую имеющие ценность лишь для их владельцев, но все равно – интересные. «Золотой мусор Одессы» – так решили ее назвать. Каждый хозяин, естественно, преувеличивал ценность своей коллекции. У многих экспонатов есть своя история, и один Бог знает, что там правда, а что – выдумка. Вчера вещи приняли, а сегодня утром выяснилось, что один из экспонатов – по преданию, перстень одесского диктатора Гришина-Алмазова, – оказался подменным. Вчера был золотой перстень с андалузитом, вернее, с его разновидностью – хиастолитом, – а сегодня – примитивная подделка. Вчера его принимала сама директриса, сегодня она вообще ничего понять не может и рвет на себе парик.

Ничего себе, цацка... Историческая ценность!

– И вы знаете, кто это сделал? – возбужденно спросила Алёна. – Кто подменил? Этот самый байкер?

– Похоже на то. У него была такая возможность. Он оказался в музее как раз во время приема и описи экспонатов некоего Юлия Матвеевича Батмана. Это мой добрый приятель, мелкий коллекционер, который цену этому перстню и знать не знал, думал, это просто симпатичная вещица без роду без племени. Я проследил историю перстня, я рассказал Батману, какой ценностью он владеет, я уговорил его выставить украшение в музее, и вот...

– Получается, этот байкер тоже знал истинную историю перстня, – перебила Алёна. – Откуда? Он тоже коллекционер?

– Он коллекционер денег, – буркнул Арнольд.

– Привет, Арик! – вдруг раздался веселый голос, и дорогу пересек очень складный парень среднего роста в белой майке и джинсах, таких узких, что, чудилось, они приросли к его сильным, чуть кривоватым ногам. – Как оно ничего?

– И вам так же, – ответил Арнольд с улыбкой. – Знакомьтесь, Алёна, это Роман, спасатель с Лонжероновского пляжа. А это Алёна Дмитриева, писательница из Москвы.

– Из Нижнего Горького, – поправила Алёна несколько строптиво: столицу нашей Родины она терпеть не могла.

– Вау! – восхищенно сказал Роман, устремляя на Алёну взгляд своих темных, почти черных, как спелые сливы, итальянских, а может, греческих или еврейских, но не исключено, что турецких, словом, черноморских, одесских очей. – Да уж, кому мама – Одесса, а кому – Волга... Но до чего же красивые у Волги-мамы дочки-писательницы!

– Ну, – не осталась Алёна в долгу, посылая Ромке один из тех взглядов, на которые была большая мастерица: обещающих много и не обещающих ничего, зовущих и отвергающих, исполненных искренних чувств и в то же время сверкающих фальшью... надо иметь в виду, что наша героиня была величайшей кокеткой! – Ну, одесские спасатели тоже ничего себе! А также частные детективы.

– Ого! – насторожился Роман. – Ты ей сказал?!

– Пришлось, – развел руками Арнольд. – Деваться было просто некуда.

– Он тоже оказался спасателем, – улыбнулась Алёна. – Вернее, спасителем. Моим. Причем два раза подряд. О, да мы пришли!

Они пересекли Дерibasовскую и стояли у забора стройки напротив крыльца гостиницы. Отбойные молотки уже не грохотали так устрашающе, как вчера, но что-то железное все же ковали.

– Интересно, что это они так старательно реставрируют? – спросила Алёна. – Вы одеситы, вы знаете?

Арнольд кивнул:

– Гостиница «Новая Московская», декоративный модерн начала XIX века. Судя по всему, конца-краю этой реставрации не видать.

– На ночь-то они прекращают этот кошмар? – с ужасом спросил Роман.

– Да как вам сказать, бывает, – усмехнулась Алёна. – Но иногда приходится куда-нибудь сбегать на ночь. Вчера, к примеру, мне удалось переночевать в другом номере, окнами на противоположную сторону.

– А куда вы намерены сбежать сегодня? – спросил Роман. – А то, если вам некуда, мы с Ариком... правда, Арик?..

Арнольд кивнул, но как-то нерешительно и ничего не сказал. Это на миг укололо Алёну. Она собиралась сказать, что пойдет танцевать аргентинское танго в ресторане «Папа Коста», но вместо этого задрала нос и проговорила довольно прохладно:

– Вечер у меня занят, спасибо.

Она ждала, что Арнольд попросит ее телефон... Но не дождалась. В самом деле, с чего ему было просить ее номер?!

А может быть, он просто постеснялся сделать это при Романе?

Например, Роман знаком с его женой и знает, что она не одобряет, когда муж берет телефоны у всяких встречных-поперечных спасенных им женщин!

На самом деле причин могло быть много. Но самой правдоподобной – и самой неприятной – было то, что Арнольду просто не хочется больше встречаться с Алёной.

Ну, вырвал ее из лап милиции. Ну и что?

«Да и в самом деле! Подумаешь! – подумала Алёна, холодно кивая на прощание обоим мужчинам и открывая своим ключом дверь в гостиницу. – Не очень-то и хотелось! Что такое мимолетное знакомство по сравнению с милонгой?!»

* * *

Старожилы говорили: «Если вы думаете, что Вавилонское столпотворение произошло в каком-то Вавилоне, вы таки ошиблись. Оно происходит сейчас – в Одессе!»

В восемнадцатом-девятнадцатом годах власть в городе менялась быстрее, чем некто Казанова менял свои перчатки и своих женщин. Советы, белогвардейская Добровольческая армия, петлюровцы, интервенты кромсали город, как именинный пирог, – чтобы всем досталось хоть по кусочку. Иной раз жители одной и той же улицы не знали, при какой власти живут: «Чи флажки красные казать, чи белые, чи жовто-блакитные, чи якись зеленые...»

Киногруппа Харитоновы приехала в Одессу еще при красных, жилось в это время более чем страшно, и все, и актеры, и режиссеры, не скрывали радости, когда красных наконец-то вышибли вон.

В городе худо-бедно закрепились части Добрармии Деникина. Скоро в одесский порт вошли корабли Антанты с солдатами Иностранного легиона, сенегальскими стрелками и морской пехотой.

Однако до спокойствия было еще далеко, потому что совершенно распоясались уголовники. Поставил Одессу вверх ногами (а многие выражались проще и точнее – раком) знаменитый вор и убийца, бывший каторжник Миша Япончик. Собственно, по метрикам он звался

Моисеем Вольфовичем Винницким. В Япончика его перекрестили за узкие глаза, ну а Мишей он сам себя назвал.

Более жестокого и дерзкого типа свет не видывал. Вот, например, как его банда взяла румынский игорный клуб, где за вечер проворачивались огромные деньги.

Бандиты надели матросскую форму – ее Япончику дал знакомый анархист, который имел доступ на вещевой склад Черноморского флота. На бандитах были бескозырки с тщательно сработанными надписями «Ростислав» и «Алмаз» на ленточках. При виде этих слов и добropорядочные граждане, и самые отпетые «элементы», и всякая «контрреволюционная сволочь» – все дружно поднимали руки вверх. Так назывались самые что ни на есть «идейные», преданные революции корабли!

И вот Мишины «матросы» ворвались в клуб в самый разгар игры и – «Именем революции!» – забрали сто тысяч рублей, которые стояли на кону, а после этого отняли у посетителей драгоценностей и денег еще на двести тысяч. С женщин срывали бриллиантовые украшения и прятали их в голенища сапог. Не обошлось и без кровопролития: не для всех имя революции было свято, а скорее, наоборот. Ну и с трудом выигранными денежками расставаться не хотелось, что вполне понятно. Да вот только Миша Япончик понимать этого совершенно не хотел. Оттого и выволакивали потом из клуба за ноги проигравших свои жизни покойничков. После этого в Одессе даже песенка появилась:

«Ростислав» и «Алмаз» – за республику,
Наш девиз боевой – резать публику!

Правда, публику по большей части не резали, а расстреливали из маузеров, но что в лоб, как говорится, что по лбу – все едино.

После этого случая Мишу стали называть не только королем Молдаванки, но и вообще королем налетчиков. Но он хотел большего. Он хотел зваться королем всей Одессы-мамы, и не просто зваться, но быть им. Он хотел, чтобы любая официальная власть – красная, белая, зеленая, да хоть серо-буро-малиновая! – боялась его и считалась с ним.

С красными это удавалось. Даже самые преданные революционной дисциплине комиссары не могли отмахнуться от двух бесспорных фактов: Миша, даже если и не мог похвастаться истинно пролетарским происхождением, но все же родился в семье еврейского мещанина на улице Запорожской, что на Молдаванке, а не на какой-нибудь там буржуйской Ришельевской. Это раз. А во-вторых, он происходил из угнетенного национального меньшинства. Меньшинство в революционные годы весьма активно брало реванш, ну а Миша хуже, что ли?! Кроме того, Миша мог похвастаться «боевым революционным прошлым», и это было отнюдь не вранье! Еще в юности он водился с эсерами, которым вечно не хватало денег на террористические акты, а потому они весьма приветствовали экссы – то есть экспроприацию экспроприаторов, а проще говоря – грабеж. Грабить предпочитали по-крупному, например денежные экспедиции, но не брезговали и мелочами. Тут особенно полезен оказался Миша, на след которого в это время встала одесская полиция. Революционеры заключили с ним полюбовное соглашение: они избавляют его от слежки, прикончив полицмейстера Молдаванки Кожухаря, молодого, красивого и ретивого служаку, который уже замыслил Мишин арест. А Миша в обмен сдает им две трети того, что награбил, «взяв на гоп-стоп» мучную лавку Ланцберга на Балтской дороге и квартиру богатого ювелира Ландера.

Миша счел сделку выгодной, но поставил одно условие: Кожухарь будет убит им самим.

Полицейстер был не только красив, но и щеголеват. Он не терпел ни пылинки на мундире и нечищенных сапог. Ходили слухи, что его любовницей была ну очень, ну очень знатная дама... настолько знатная, что в эту связь почти никто не верил, тем паче, что она была уже весьма немолодой, хоть и оставалась красавицей... а между тем это была истинная правда,

и ради своей прекрасной и высокопоставленной возлюбленной молодой полицмейстер был на все готов, а не только ходить франтом. Чистил сапоги Кожухарь у одного и того же мальчишки-чистильщика на углу Степовой и Дальницкой улиц. И вот однажды мальчишка исчез, а вместо него уселся переодетый Миша. Как только Кожухарь поставил ногу на ящик, Миша включил взрывное устройство и кинулся наутек. А вот полицмейстера разорвало в клочья.

Когда Мишка улепетывал во всю прыть, его ударила по плечу оторванная рука Кожухаря... на скрюченном в последней судороге пальце мерцал тяжелый золотой перстень со странным серым камнем, на котором черные узоры образовали что-то вроде креста.

Другой тут же упал бы с сердечным приступом, но Мишка был хладнокровней змеи.

– Не поймаешь! – крикнул он насмешливо, сдернул перстень с мертвого пальца и сунул его в карман, потом с усмешкой отшвырнул окровавленную руку, а сам бросился наутек.

Впрочем, следствие недолго ходило вокруг да около. В декабре того же года Мишу арестовали в доме терпимости на Болгарской улице. Ходили слухи, что он туда явился на встречу с человеком, который хотел выкупить перстень Кожухаря. Все прошло чин чинном, Миша получил свои деньги, посредник ушел с перстнем... но через несколько минут в притоне появилась полиция. Поймала, поймала-таки Мишу мертвая рука Кожухаря!

Сначала его приговорили к повешению, но в ту пору этот грабитель, убийца и пособник эсеров был еще несовершеннолетним. А потому получил взамен двенадцать лет каторги в Сибири.

– Вернусь – посчитаемся! – загадочно пригрозил Миша неведомо кому перед тем, как его захихнули в арестантский вагон и отправили куда Макар телят не гонял.

Он вернулся через двенадцать лет, осенью семнадцатого года. Вот это настало время! Тут уж было не до старых, полузабытых счетов. Предстояло завоевывать Одессу, становиться там королем! А это оказалось очень непросто...

Итак, красные признавали его «боевое прошлое». А вот с прогнавшими их белыми никак не удавалось поладить. Они считали Мишу самым обыкновенным бандитом. Того же мнения были и французские оккупационные войска.

Консул Франции Эмиль Энно ну прямо в одну дуду дудел с представителем штаба Деникина в Одессе Шульгиным: не будет Япончика – в Одессе установится порядок.

И оба они, посоветовавшись, поручили справиться с бандитом человеку, который по дерзости мог бы поспорить со знаменитым уголовником. К тому же, Миша Япончик был нагл, но изрядно трусоват, а этот человек – храбр до безрассудства. Имя его было Алексей Николаевич Гришин-Алмазов – тридцативосьмилетний генерал-майор артиллерии, прошедший две войны – японскую и мировую. Он был военным министром Сибирского эсеровского правительства (и за несколько дней произвел себя в полковники, а потом надел генеральские погоны), сражался рядом с Колчаком (и был среди тех, кто привел адмирала к верховной власти в Сибири!) и Пепеляевым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.